

КАМБОДЖА

16+

И ГОД ЮНТАК

Жизнь и любовь в Камбодже во время выборов 1993 года

Том Риддл

Том Риддл
Камбоджа и год ЮНТАК

«Автор»

2018

Риддл Т.

Камбоджа и год ЮНТАК / Т. Риддл — «Автор», 2018

Книга посвящена одной из самых знаменитых миссий ООН - выборам 1993 года в Камбодже. Автор, Том Риддл, волонтер ООН, очевидец тех легендарных событий, рассказывает нам о них достоверно, честно и с большим чувством юмора. В книге нет ничего выдуманного. С огромной симпатией Том вспоминает своих друзей из международной команды ООН - русских, американцев, англичан, тайцев. Трогательный роман камбоджийки и автора-американца, так тонко описанный в этом чудесном образце документальной прозы, к сожалению, не имеет счастливого конца. "Камбоджа и год ЮНТАК" никого не оставит равнодушным!

© Риддл Т., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Предисловие	6
Благодарность	8
Вступление	9
Глава 1	13
Добро пожаловать в Камбоджу	13
Устройство на новом месте и отъезд	18
Здравствуй, Кампонгчнанг	20
Путешествие в Баттамбанг и Бантеаймеантьей	24
Жизнь в отеле и иностранки	27
“Миссия невыполнима” в Сиемреап и Прэахвихеа	28
Глава 2	35
Настоящая перепись населения Камбоджи	35
Почему провалился коммунизм	37
Правила вождения и дорожная безопасность в Пномпене	38
Еще об отсутствующих частях тела и обедах в столице	40
Офисная жизнь, адюльтер и леди из Таиланда	43
Мир и кокосы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Том Риддл

Камбоджа и год ЮНТАК

Посвящается семьям

Тай Сари

Хэнг Вичет

Лэй Сок Фиен

Ацухито Наката

*членов Избирательного компонента ЮНТАК, убитых при
исполнении обязанностей,*

*а также экспатриантам, мужчинам и женщинам, работникам
негосударственных организаций Камбоджи*

The book has originally been published by Guernica, Canada, 2017

Предисловие

Сергей Агаджанов, дипломат

Москва, Россия

Декабрь 2017 года

Являясь невымышленным персонажем этой книги, я с большим удовольствием пишу предисловие для первого российского издания “Камбоджи и года ЮНТАК”, книги, в которой в отличие от всех, попадавшихся мне до этого, не только честно, но, что не менее важно, очень по-человечески рассказывается о пребывании Временного органа ООН в Камбодже и о том, как туда пришел мир после 23 лет войны.

Позвольте мне начать с нескольких слов о себе.

Я приехал в Камбоджу по контракту с ООН 8 марта 1992 года и был назначен помощником руководителя группы планирования выборов в Передовой миссии ООН, которая буквально через несколько дней была преобразована во Временный орган ООН (ЮНТАК), где я стал помощником Главного офицера по выборам. Попал я на эту выборную стезю не по своей непосредственной специальности (я закончил МГИМО и работал в МИДе), а исключительно потому, что хорошо знал кхмерский язык, что оказалось крайне востребовано при планировании, организации и проведении выборов в стране, где, после целенаправленного их уничтожения полпотовским режимом и многолетнего остракизма правительства многими государствами после 1979 года практически не осталось людей, владеющих иностранными языками.

Кхмерский язык я изучал в институте и оттачивал в двух командировках в советском посольстве в Пномпене, что помогло в знакомстве со страной, ее культурой и традициями, а также со многими политическими деятелями. Я неплохо знал историю Камбоджи, особенно XX века, защитив кандидатскую диссертацию по камбоджийской проблеме. Этот накопленный страноведческий багаж оказался бесценен и в моей ооновской работе в Камбодже.

Поначалу нас, ооновцев, было немного и почти все скоро перезнакомились и подружились. Это было важно, так как многие из нас никогда до этого в ООН не работали и нам всем пришлось пройти срочный курс "начинающего ооновца", чтобы понять стиль и методы работы ООН, включая ее бюрократию и администрацию. Навсегда со мной осталось обретенное тогда чувство единства человечества, когда национальное, культурное или любое иное различие перестает иметь значение, становится скорее необходимым дополнением и самостоятельной ценностью в нашей ооновской "вавилонской башне".

Почти все мы были молоды, полны энтузиазма и веры в идеалы ООН, нам хотелось сделать все возможное для выполнения нашей миссии в этой стране. А для меня эта миссия была особой вдвойне, ведь я знал Камбоджу не понаслышке, прошел вместе с кхмерами тяжким путем национального возрождения и считал своим долгом посильно помочь им и в деле национального примирения после десятилетий войн и братоубийства. Тем более что, работая в МИД СССР, я участвовал в подготовке Парижской международной конференции по Камбодже и присутствовал при подписании мирных соглашений в Париже в октябре 1991 года.

Впервые я приехал в Камбоджу в начале мая 1979 года, буквально через четыре месяца после освобождения большей части страны от полпотовцев вьетнамскими войсками и их камбоджийскими союзниками. До сих пор с болью я вспоминаю весь ужас того, что я и мои немногочисленные коллеги в нашем посольстве увидели тогда в Камбодже. Эта горькая память неизменно придавала мне не только моральных, но и физических сил для полной самоотдачи во все годы моей работы в Камбодже, и особенно в ЮНТАК, где я был одним из первых и одним из последних сотрудников миссии (я уехал из страны в марте 1994 года).

Моя жизнь сложилась так, что после ЮНТАК мне больше не довелось побывать в Камбодже, но я всегда с интересом следил за развитием этой столь близкой мне страны, поддер-

живал контакты с коллегами-ооновцами по тем незабвенным временам. И, естественно, мне было несказанно интересно прочитать книгу моего друга Тома Риддла, с которым нам многое довелось испытать и пережить в ходе работы в миссии ООН в Камбодже. Читая эти страницы, я мысленно переношусь в те годы, вспоминаю людей и события, так живо, честно и бесхитростно описываемые Томом в его книге. Иногда я даже ощущаю вкус и запахи, слышу голоса и мелодии Камбоджи тех лет, заново переживаю наши бесконечные приключения, трудности и радости, успехи и поражения, тот непередаваемый дух воодушевления и товарищества, совместных усилий в созидании чего-то очень важного и такого человеческого – не для себя, а для миллионов незнакомых и пострадавших людей...

Наверное, пережить такое дается лишь раз в жизни, и я искренне благодарен Тому за то, что он написал эту книгу, которая теперь лежит на моем рабочем столе и к которой я периодически возвращаюсь с неизменной признательностью ее автору и всем упомянутым в ней людям.

С. Агаджанов

Благодарность

Избирательный компонент¹ ЮНТАК два раза в месяц выпускал новостной листок “Свободный выбор.” Персонал “Свободного выбора”: Лия Мельник, Сара Колм, Дебора Хоппер, Джитака Нойес, Нифат Таптагапорн и Джонатан Стромсет регулярно публиковали информацию обо всем, что происходило в Камбодже, даже тогда, когда это пугало читателей. Я воспользовался этим листком, а также информационными бюллетенями ООН, о составителях которых мне ничего не известно, для того чтобы перепроверить верность всех событий, описанных в этой книге. Я пообещал сохранить анонимность трем камбоджийцам, с которыми переписывался для уточнения и прояснения некоторых моментов, но хочу воспользоваться случаем и выразить им здесь свою признательность. Миссис Тидарат Наккио, бывшая сотрудница ЮНТАК из Таиланда, свободно говорящая на кхмере, помогла мне уточнить произношение некоторых слов.

Эта книга была написана в городке Панат Ником в Таиланде сразу же после того, как я уехал из Камбоджи. На втором этаже моего отеля, за который я платил три доллара в сутки, жил еще один иностранец, Терри Андехилл из Англии, случайно оказавшийся бывшим разработчиком технической документации. Он, как первый читатель, дал мне много полезных советов. Книгу отредактировали Джеймс Екардт и Брет Торн из журнала “Менеджер,” а также д-р Билл Берг, с которым я познакомился, когда он читал курс лекций Фулбрайт в том же университете, в котором я преподавал антропологию. Давид Портной – человек, два года делавший профессиональные снимки по всей Камбодже, разрешил мне воспользоваться своей коллекцией для оформления книги. А Джон Вестроп, фотограф из Гонконга, одолжил одну из своих фотографий дорожного движения в Пномпене, до этого опубликованную в “*Пномпень Пост*”.

Если в книге допущены неточности при описании каких-либо исторических или личных событий, то я единственный, кто в этом виноват. Однако, если не считать некоторых небольших поправок, все было именно так, как здесь рассказывается.

¹ Компонент – часть устройства избирательной системы, подразделение.

Вступление

Я прилетел в Камбоджу в субботу, 22 марта 1992 года, и покинул ее 16 месяцев спустя, в воскресенье, 25 июля 1993 года. Я приехал всего лишь через неделю после того, как начал работать Временный орган Организации Объединенных Наций, и оставался до того момента, когда страну стали покидать первые солдаты, то есть через два месяца после выборов, проведенных ООН. Я приехал, когда кепки с эмблемой ООН еще давали право пройти без очереди, и еще до того, как их начали штамповать в местных мастерских и продавать на рынках. Я приехал, когда народ Камбоджи еще верил, что ООН сможет положить конец его кошмару и подарить мир стране.

Везде царил хаос. Тем не менее, как говорили все вокруг, сейчас было гораздо больше порядка по сравнению с тем, что творилось здесь во времена экспериментов по устройству и организации коллективного образа жизни, проводившихся Пол Потом и его красными кхмерами с апреля 1975 по начало 1979 года. Пол Пот оставил после себя миллион погибших из 8 миллионов жителей когда-то живописной страны, располагающейся между Таиландом, Вьетнамом, Лаосом и Сиамским заливом.

В начале 80-х я работал учителем в лагере беженцев в Юго-Восточной Азии. В моем классе было несколько *кхмеров*, как камбоджийцы любят сами себя называть; несколько из сотен тысяч, находящихся на пути в США. Они мне понравились. Я решил непременно посетить их страну, в то время оккупированную вьетнамской армией и изолированную от международного сообщества. В 1989 г. я без труда получил диплом магистра в Гавайском университете в Гонолулу, но бросил свое образование перед самым получением степени доктора антропологии. Два года спустя я еще жил на Гавайях без особого дела, ждал, не прояснится ли вдруг мое будущее, и все еще надеялся когда-нибудь посетить Камбоджу.

Затем, в октябре 1991 г., в новостях сообщили, что в Париже после нескольких лет переговоров о выведении вьетнамских вооруженных сил был подписан Акт о политическом урегулировании конфликта в Камбодже. По условиям урегулирования, более известного как “Парижский мирный договор,” ООН фактически будет править Камбоджей до завершения выборов и назначения нового правительства. Планировалась крупнейшая операция в истории Организации Объединенных Наций.

Два месяца спустя я позвонил в офис волонтеров ООН и попросил бланк заявления. Было известно, что отряд волонтеров ООН (ВООН) – своего рода Корпус мира ООН, и если уж кого и посылают в “сердце тьмы”, то именно их. Когда я сказал, что меня интересует только Камбоджа, мне посоветовали и не мечтать об этом: меньше всего сейчас там были нужны антропологи. Я все равно оставил заявление, но почему-то так и не заполнил графу с рекомендательными письмами и не указал другие детали.

Как-то вечером, несколько недель спустя, мне в Гонолулу позвонили из Женевы.

– Могу я поговорить с мистером Томасом?

– Это м-р Томас.

Бла...бла...бла...

– Когда вы хотите отправиться в Камбоджу?

– Завтра.

– Нам нужен кто-то, кто бы мог поехать прямо сейчас.

– Я сказал “завтра”.

– Первая группа волонтеров уже обучается языку кхмер, поэтому вам нужно влиться в нее как можно скорее.

– Как насчет “завтра”?

Мне объяснили, что ООН нужны люди, которые бы ездили по деревням Камбоджи, организовывали участки и регистрировали избирателей.

- Вы до конца заполнили заявление? – спросила она.
- Нет, еще нет.
- Ничего страшного, но вам нужно получить медицинские справки.
- Хорошо. Я уезжаю через две недели?
- Скорее всего, через неделю. Максимум через десять дней.
- Понял.

Я немедленно позвонил своему другу, американо-камбоджийцу, и сообщил новости. Он сказал мне, что жена ни за что не отпустила бы его в Камбоджу – по ее мнению, там было слишком опасно.

- Но если в стране ООН, то, может, и ничего, – заключил он. – Так что поезжайте. Женева прислала мне факс с медицинскими формами и описанием вакансии.

Тем же вечером мне опять позвонили.

– Подождите минутку, – сказал я. – Здесь говорится, что вам нужен профессиональный демограф и статистик.

- У вас диплом социолога. Мы думаем, что это подойдет.

Темой моей докторской диссертации было злоупотребление алкоголем в Южно-Тихоокеанском регионе. Через два дня, вечером, мне опять позвонили.

Женева:

- Компьютерщик уволился.

Америка:

- И что?

Женева:

– Мы видим, что у вас есть опыт в этой области. Как вы смотрите на то, чтобы занять вакантное место?

Америка:

- Почему бы нет?

Женева:

- Мы пришлем перечень должностных обязанностей.

В факсе было написано: “...программист-аналитик. Университетский диплом программиста или системного аналитика, предпочтительно с опытом обработки социальных данных... пять или более лет профессионального опыта”.

Как-то раз я преподавал Word домохозяйкам Шератона Вайкики². Но если уж ООН думает, что я подхожу, – значит я подхожу. Это подтверждает то, что университетский диплом всегда пригодится.

Через неделю я отбыл в Камбоджу.

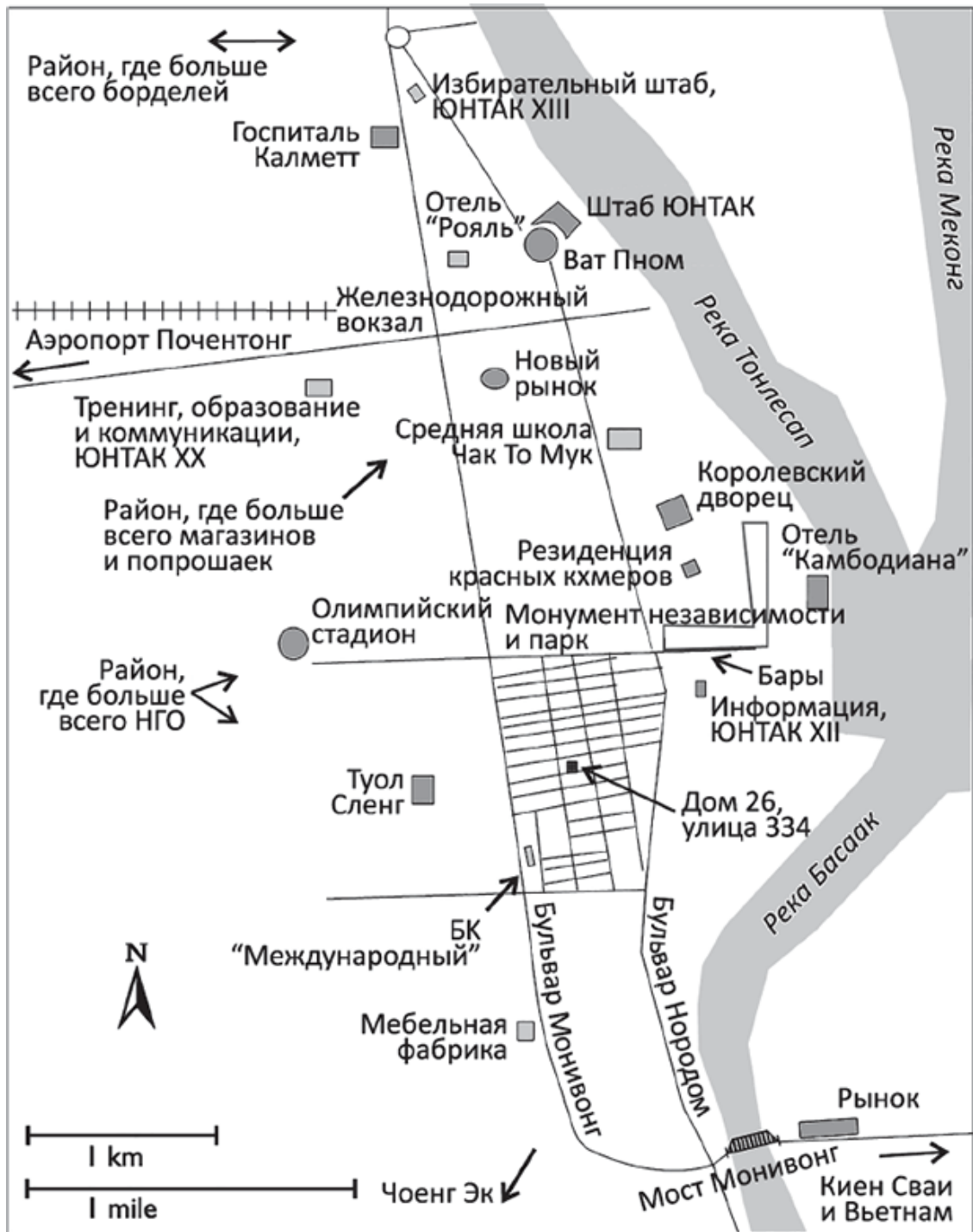
² Вайкики – туристический и культурный центр Гонолулу

Камбоджа

Камбоджа примерно размером с Миссури

Пномпень в год ЮНТАК

Карты и иллюстрации выполнены автором

Глава 1

Игры и веселье

Март–май 1992 года

Добро пожаловать в Камбоджу (Путевые заметки, сделанные в марте 1992 года)

В 5.30 утра в Бангкоке несколько мужчин, одетых не в самые удобные деловые костюмы, ждут посадки на самолет Бангкокских авиалиний, вылетающий в Пномпень. Рядом с ними стоят располневшие женщины среднего возраста в шелковых платьях. Никто из этих людей в ООН не работает. Это камбоджийцы, которые много лет прожили за границей. Теперь они собираются домой: кто-то – в гости, кто-то – насовсем. Деловые костюмы, кажется, являются обязательными для возвращения камбоджийцев домой.

Через час я выхожу из самолета в крошечном аэропорту Пномпеня, и жара сражает меня – моментально становлюсь потным и липким. Прохожу через паспортный контроль – костюмы исчезли. Сейчас середина сухого сезона, и в пиджаке стало бы невыносимо жарко даже сотруднику ООН.

Двусторонняя дорога с тротуарами из аэропорта Почентонг в Пномпень забита машинами, мотоциклами, грузовиками, велорикшами, тележками, запряженными пони или быками, велосипедами и пешеходами. В Камбодже, как и в США, движение правостороннее, но если вы хотите ездить по левой полосе – пожалуйста. Фактически люди водят машины как хотят – правил не существует. Например, у некоторых главных перекрестков установлены светофоры, но водители останавливаются на красный исключительно по желанию. Если кто-то хочет попасть на главную дорогу с боковой – он просто вкатывается. Другие водители пропускают его или он сам резко тормозит, чтобы пропустить других водителей. Иногда курица пересекает дорогу.

Первый раз въезжая в город и позже, гуляя по улицам, я поражался тому, что было привычным для любого пешехода-камбоджийца:

- человек везет три шины перед собой на мотоцикле, и его пальцы с трудом достают до руля;
- мотоцикл настолько перегружен дюжинами живых куриц, связанных за ноги, что сам стал похож на одну живую гигантскую курицу;
- крошечный мопед, и на нем шесть человек. Это семья – отец, мать, двое детей и по младенцу на коленях у каждого родителя;
- на одноместной велорикше едет целый класс начальной школы. Некоторые рикши везут стекло размером с дверь, груды кирпичей, кровать. Только скажите, что вам перевезти, – они перевезут все!

Дороги настолько забиты, что никто не движется быстрее велорикш. Поэтому водители просто разъезжаются, когда врезаются друг в друга. За чертой города, однако, происходят серьезные кровавые аварии, иногда с переворачиванием машин – на проселочных дорогах нет ограничений ни по количеству пассажиров, ни по скорости.

В этом городе с населением около миллиона многие средства передвижения – это собственность ООН (легковушки и грузовики белого цвета). Некоторые машины принадлежат НГО (негосударственным организациям): CARE³, “Спасите детей”, “Лютеранской мировой

³ CARE – Cooperative for Assistance and Relief Everywhere – благотворительная организация.

службе”, “Церковной мировой службе”, “Американскому Красному Кресту”, “Швейцарскому Красному Кресту”, “Шведскому Красному Кресту”, “Комитету службы американских друзей”, “Службе квакеров Австралии”, “Мировому видению”, “Мировой заботе”, “Мировой семье Гавайев”, “Международной организации инвалидов”, ЮНИСЕФ... Даже трансцендентальный гуро медитации, Махариши, открыл НГО в Пномпене.

Периодически в потоке движения мелькают белые грузовики, похожие на белые корабли на колесах. Это перевозчики военных ООН, спроектированные для езды по минным полям: мины взрываются, шрапнель отлетает от толстого “киля” грузовика, никого не убивая, по крайней мере, теоретически. Камбоджа знаменита своими минными полями и тем, что никто на самом деле не знает, сколько миллионов мин существует и где они зарыты. Каждый месяц около двухсот человек, многие из них дети, делают неверный шаг и лишаются конечности или двух. Считается, что у одного из 237 камбоджийцев не хватает конечности.

Втиснутые в неопределенного вида трехэтажные бетонные здания, вдоль городских улиц тянутся магазины, отели, салоны красоты, агентства путешествий, государственные офисы, рестораны и кинотеатры. В самых роскошных кварталах города бродят попрошайки – вдовы с детьми и солдаты на костылях. Совершенно очевидно, что эти солдаты находились не в специальных белых грузовиках ООН, когда пересекали минные поля. В сорока процентах камбоджийских семей глава – женщина, поэтому никого не удивляет, что повсюду вдовы с детьми. Их мужья умерли от голода, подорвались на минах, погибли в бою или их просто убили. Камбоджа – это страна оторванных конечностей и одиноких сердец. В любом случае к попрошайкам относятся терпимо и даже в магазинах иногда дают мелочь.

Клерки в магазинах в центре города зарабатывают в два раза больше годового среднедушевого дохода в \$180 США – они зарабатывают 20 000 камбоджийских риелей (около 30 американских долларов ежемесячно). Этой суммы достаточно, чтобы пообедать раз или два в месяц в одном из лучших ресторанов Пномпеня. Я постепенно приходил к пониманию того, что Камбоджа во многих отношениях являлась одной из самых бедных стран мира.

Позади торговых кварталов этого расположенного на удивительно плоской равнине города, аккуратно разделенного французами на ровные квадраты пронумерованных, иногда немного изогнутых улиц, располагаются жилые районы. Там много больших и элегантных бетонных и кирпичных домов. О, если они сейчас не элегантны, то вскоре будут. Это рай для строителей! Здесь нет ни одной улицы, ни крошечной и незаметной, ни благоустроенной и широкой, где бы ни копошились вьетнамские рабочие. К чему такая спешка? В город прибывает много иностранцев, а сдающие жилье знают, что смогут заработать на доме три, или четыре, или даже пять тысяч долларов в месяц. Американские доллары – самая предпочитаемая валюта, гораздо более стабильная, чем неустойчивый камбоджийский риель. Все это означает, что камбоджийцы не могут позволить себе достойное жилье, что иностранные правительства и негосударственные организации тратят большую часть своего бюджета на съем квартир и офисов и что владельцы квартир могут в месяц заработать больше, чем клерки за восемь лет. В этих только что отремонтированных домах есть электричество и кондиционеры, которые, может, работают, а может, и нет. Когда они не работают, жильцы жалуются, что жарятся живьем, как курица в духовке, в своих современных, лишенных воздуха бетонных печах.

Конечно же, не все в жилых районах готовы начать ремонт своих домов. Большинство обитает в местах классом ниже: шумных, переполненных съемных квартирах, в пыльных, разваливающихся домах, в домиках с крышами из бамбуковых листьев, в рикшах велосипедистов или на куске картонной коробки, плоско разложенной на тротуаре. Людей, которые устроили лагерь вдоль главных улиц, международная община называет ВП – “вынужденные переселенцы”. Это означает, что рядом с их домами совсем недавно проходили военные действия и они устремились в город вместо того, чтобы стать мишенью для “врага этого года”, кто бы он

ни был. По данным ООН, в Камбодже сейчас насчитывается около 180 000 ВП, разбросанных повсюду.

В ресторанах и на рынках изобилие еды. В городе полно всевозможных ресторанов. Они чистые – в противном случае в них бы никто не ел. У них, однако, собственный стандарт чистоты. Большинство ресторанов выходят на пыльные дороги; везде мухи, кухни черные, приборы жирные, повара курят, когда готовят, воду из-под крана пить нельзя, и люди не очень верят в мытье рук. Стандарт чистоты таков, что в одном из придорожных ресторанов, где я иногда ем с водителями рикш, все обедающие пьют из одной чашки. Когда я пью из одной чашки с моими товарищами по обеду, бывает полезно подумать о том, что теория заражения микробами, как и теория Большого взрыва или теория Сотворения мира, – это всего лишь теория и, соответственно, остается открытой для обсуждения.

Тем не менее, некоторые работники НГО говорят, что есть прямая связь между санитарными стандартами в Камбодже и тем, что 20 % детей не доживают до пяти лет.

В отличие от тайцев, легко идущие по жизни камбоджийцы кладут в еду мало чили, имбиря и чеснока. Здесь самая главная специя – жир, и им покрыты рыбные, овощные, яичные и мясные блюда, продаваемые в придорожных ресторанах. Поражает, однако, то, что почти все пункты питания продают пиво “Бек”, “Тайгер”, “Хайнекен”. Иногда можно встретить “Миллер Драфт”, и все по той же цене, что и импортная кока-кола.

Камбоджийцы – чистоплотные люди. Многие моются на улице под краном или в тазу, потому что, так или иначе, любят выглядеть аккуратными и чистыми. Мытье на улице, кстати, не считается чем-то неприличным, потому что моющиеся заворачиваются в *крамаа*, подобие широкой юбки. Нормы приличия не ограничиваются мытьем. Почти никто не носит шорты, а женщины никогда не открывают ноги выше колена. Мне говорили, что камбоджийки настолько благопристойны, что вообще никогда не раздеваются полностью.

Возможно, что французы и заложили этот город, но его основала камбоджийская леди, миссис Пен. Однажды в легендарном прошлом миссис Пен нашла бронзовую статую Будды на небольшом холме (*пном*), и именно на этом месте сейчас стоит Пномпень. Не забыв об этом благоприятном знаке, люди обосновались в этом месте, назвав его *пном миссис Пен* (произносится Миссис Пен’с Па-ноум), или, для краткости, Пномпень. В настоящее время ее останки покоятся на том самом небольшом холме, который называется Ват Пном. Напротив него располагается штаб-квартира ЮНТАК.

В 1434 г. короли кхмер решили, что место слияния трех рек – Меконга, Басаака и Тон-лесапа – идеально подходит и для жилья, и для защиты от мародерствующей тайской армии. Поэтому короли покинули свою старую столицу, Ангкор Ват, и обосновались здесь. В 1884 г. году французы вошли в Пномпень и выстроили, взяв за основу идею Тайского королевского дворца, Камбоджийский королевский дворец, правительственные здания и многие старинные виллы в городе. Французы покинули страну в 1954 году, подарив независимость Королевству Камбоджа и их королю Сиануку, ставшему известным в 1992 г. как принц Сианук.

В 1970 г. американцы пришли в только что провозглашенную Республику Кхмер. Это случилось после того, как Сианука отстранили от власти во время переворота, за которым, по его мнению, стояли американцы. Во время своего пребывания здесь американцы убили по меньшей мере несколько сотен тысяч камбоджийцев, сбросив на них 150 000 тонн бомб (полный отчет можно найти в “Отвлекающем ударе” Уильяма Шоукросса) – гораздо больше, чем они сбросили на Японию во время Второй мировой войны. Огромные бомбардировщики В-52 с большой высоты устраивали “ковровые” бомбардировки по беспомощным камбоджийцам, которые, к своему несчастью, жили вдоль так называемой “дороги Хо Ши Мина”, которую американцы считали главным каналом поставок из Северного Вьетнама в Южный. Генри Кис-

синджер и Ричард Никсон никогда не задумывались об этих людях, зачем им это было нужно? Ведь камбоджийцы, живущие в отдалении, в деревнях, в джунглях, не имели политического значения. Киссинджер и Никсон, однако, совсем не поняли, какой эффект на выживших произвели ТНТ⁴ и напалм, падавшие с неба, как дождь в муссон. Некоторые вступили в армию под руководством человека, который когда-то, получив правительственную камбоджийскую стипендию, изучал радиоэлектронику в Париже. Его звали Салот Сар, но он больше известен под псевдонимом Пол Пот.

Совершив устрашающий артиллерийский обстрел Пномпеня, вооруженные отряды Пол Пота убедили американцев уйти. Несколько дней спустя, 17 апреля 1975 года, красные кхмеры вошли в столицу и страна превратилась в Демократическую Кампучию. Первым делом новое правительство попросило всех жителей Пномпеня покинуть свой город, чтобы спастись от легендарных американских ковровых бомбардировок. Уходя, люди думали, что вернутся через несколько дней. Никто не бомбил город, но люди не возвращались, ведь всем было приказано получить новую профессию – стать работниками сельского хозяйства. Пномпень неожиданно приобрел атмосферу тихого провинциального городка. В нем остались сотрудники китайского посольства, принц Сианук под домашним арестом, Пол Пот и компания – всего около тридцати тысяч человек, а в 1975 году там проживало 2, 5 миллиона. М-р Пот поселился в большом особняке, который позднее стал штаб-квартирой ООН.

Ставленники Пол Пота переоборудовали одну из школ, превратив ее в печально известную пыточную, Офис безопасности-21. Таким образом, если проигнорировать вопли, доносившиеся из “ОБ-21”, Пномпень был настоящим городом-призраком с 17 апреля 1975 г. по 7 января 1979 г., дня, когда вьетнамцы “освободили” город, хотя на самом деле некого было освобождать. За день до этого принц Сианук вылетел в Китай, ранним утром того же дня Пол Пот на своем вертолете отбыл в направлении Таиланда.

Вот тогда Камбоджа стала Народной Республикой Кампучией. Пять месяцев спустя, в мае 1979 г., в Пномпень прибыл человек, который позднее стал моим другом и коллегой по ЮНТАК, Сергей Агаджанов, свободно говорящий на кхмере русский дипломат.

Перед его взором предстали совершенно опустевшие улицы, ведь люди боялись возвращаться в город. В эти дни, по словам Сергея, можно было войти в любой дом и увидеть на столах кофейные чашки там же, где жильцы оставили их четыре года назад. Тем не менее постепенно камбоджийцы стали возвращаться в Пномпень, но только в дневное время. Они приезжали рано утром, мародерствовали целый день, а вечером свозили свою добычу на окраины города. Сергей спросил у вьетнамцев, почему они не остановили мародерство. Те ответили ему, что люди были в страшной нужде и что они, вьетнамцы, не могли ничего им дать, кроме того, что было брошено в городе, и добавили, что, если бы они заблокировали вход в город, их бы называли “оккупантами”, а не “освободителями”, каковыми они являлись на самом деле. Таким образом, мародерство продолжалось до тех пор, пока все ставни, двери и даже кофейные чашки, которые кто-то захотел взять себе, не были вывезены или уничтожены. Постепенно народ стал возвращаться в город для жизни. Большинство людей вселялись незаконно. Что случилось с законными владельцами? Нашли ли они свои собственные дома? Умерли? Судьба их куда-то забросила? Кто знает? Один камбоджиец, которого я встретил на Гавайях, рассказал мне, как приблизительно в это время он отыскал свой старый дом в Пномпене. Дом был основательно обчищен. Однако мародеры не тронули фотографию его матери, которую он потом привез на Гавайи. Вскоре, по словам Сергея, вьетнамцы восстановили порядок в городе почти без стрельбы. Жизнь продолжала возвращаться в Пномпень. Вскоре он превратился в тот шум-

⁴ ТНТ – тринитротолуол, органическое взрывчатое соединение.

ный неприятный хаос, который царит по всей стране, именуемой Государством Камбоджа, с 1989 года, года вывода вьетнамских войск.

А сейчас, в 1992 г., здесь всем правит ЮНТАК (юн-так)⁵, Временный орган Организации Объединенных Наций в Камбодже.

В Камбодже пройдут выборы. Для их проведения нужны избиратели. Но где они и сколько их, этого никто не знает. Как потенциальные избиратели могут регистрироваться или приписываться к участкам? Для проведения достойной переписи населения был создан Передовой предвыборный отряд (ППО), и вот поэтому я здесь.

ППО – это часть избирательного компонента, которым руководит бывший профессор юриспруденции Реджинальд Остин, белый зимбабвиец. Другими компонентами ЮНТАК являются: военный, по правам человека, гражданская администрация, гражданская полиция, репатриация и реабилитация. Самые большие компоненты – военный и избирательный.

Военный, состоящий из батальонов одиннадцати стран (Нидерландов, Бангладеш, Пакистана, Уругвая, Индии, Индонезии, Франции, Малайзии, Болгарии, Туниса и Ганы), будет выполнять функцию миротворцев. Для сохранения мира солдаты ООН будут охранять солдат четырех фракций, подписавших Парижский мирный договор, до тех пор пока те не сдадут оружие и не перейдут в сборные центры – процесс, который должен начаться 15 июня. Три фракции – принца Сианука, Сон Санна (когда-то он был премьер-министром Сианука) и Пол Пота – годами вместе вели войну против четвертой фракции – организованного Вьетнамом правительства. По прибытии в сборные центры солдаты будут обучены навыкам, необходимым для жизни в мирное время. После того как 70 % бойцов всех четырех фракций будут размещены в сборных центрах и установится “нейтральная политическая среда”, ООН проведет “свободные и справедливые” выборы, которые заложат фундамент демократической системы управления. Считается, что “демократическое правительство” – это система, к которой должны стремиться все люди в последнюю четверть XX столетия.

План звучит прекрасно.

Страной сейчас, в рамках договора и для помощи в достижении нейтральной политической среды, управляет Верховный национальный совет, состоящий из представителей четырех фракций и возглавляемый человеком, которого все уважают, семидесятилетним принцем Сиануком Нородомом. Но не он возглавляет ЮНТАК. Глава ЮНТАК – м-р Ясуши Акаши, японский дипломат, говорящий по-английски почти без акцента. Я это знаю, потому что однажды встретил его, когда он колесил по городу в поисках достойного места для жительства. Я просто шел по тихой улице, а его машина остановилась позади меня, Ясуши Акаши вышел из нее. Я представился из чистой вежливости и, поскольку на нас смотрели его охранники, добавил, что я волонтер ООН. Он похвалил меня за это и спросил, принимаю ли я антималярийные таблетки. Я ответил, что нет. Он посоветовал мне беречь здоровье – я обещал постараться. На прощание он пожелал мне удачи. Мистеру Акаши, похоже, было за шестьдесят. Со слезящимися глазами, в очках, с аккуратным пробором, он придавал новое значение слову “неприятельный”. Какое-то время в ООН думали пригласить Маргарет Тэтчер на пост руководителя этой миссии, но потом решили назначить представителя азиатской страны, поскольку Камбоджа расположена в Азии и, к слову, самым щедрым меценатом ООН является Япония. К тому же никто никогда не обвинял миссис Тэтчер в неприятельности.

Сейчас март. В дождливый сезон, с мая по ноябрь, дороги станут непроходимыми, так что лучшее время для выборов – середина сухого сезона, то есть февраль 1993 года.

⁵ United Nations Transitional Authority in Cambodia (UNTAC). Транзитная администрация ООН в Камбодже (официальный перевод – Временный орган ООН в Камбодже).

Устройство на новом месте и отъезд

В отеле мне сообщили, что, поскольку компьютеры еще не привезли в Передовой предвыборный отряд, у меня в распоряжении будет почти месяц, время, которое можно посвятить изучению языка и культуры кхмер. Расслабленный темп. Я устроился в уютном отеле “Рояль”, том самом, в котором в 1975 году останавливался репортер “Нью-Йорк таймс” Сидни Шамбург, это знает любой, кто смотрел фильм “Смертельные поля”. Бассейн все еще находился на том же самом месте, позади отеля, причудливо-грубоватый стиль которого показался мне интересным. В моем номере был кондиционер, который почти всегда работал, и одна из горничных стирала мои штаны и рубашки за пятьдесят американских центов за штуку, что удваивало ее зарплату в том случае, если я менял свою одежду пять раз в неделю. Свое нижнее белье я стирал сам. Французы построили “Рояль” в 1930 г. в расчете на то, что он станет лучшим отелем Камбоджи. Он отличался интересной внутренней отделкой: высокими потолками, широкими деревянными полированными перилами на витых лестницах, и в моей просторной ванной было нечто, чего такой неотесанный парень, как я, раньше не видел – биде.

На второй день в Камбодже я присоединился к группе волонтеров ООН, изучающих язык и культуру кхмер. Администраторы ООН не пожалели денег для организации самых лучших занятий, которые можно купить за деньги. Для этого они наняли выдающегося лингвиста мистера Тила Тинга из Австралии. М-р Тинг, камбоджиец по происхождению, изучал прогрессивные способы преподавания в университете в Австралии, но решил использовать ту же методику, которая применяется в общеобразовательных школах Камбоджи: яростно писал на доске – заставлял студентов это переписывать себе в тетради, опять яростно писал на доске – заставлял студентов переписывать, и так целый день. Таким образом, м-р Тинг умудрялся пропустить отработку правил, ролевые игры, диалоги, другими словами, любой вид участия обучающихся в образовательном процессе. По словам еще 18 студентов группы, методика “я пишу – вы переписываете” отработывалась каждое утро, каждый день.

После обеда началось занятие по культуре и страноведению. Сегодняшняя тема – “женщины”. Поскольку некоторые мужчины в классе, как и я, были неженаты, м-р Тинг, не теряя времени, рассказал нам, как отличить хорошую камбоджийку от плохой. “Плохую” выдаст подволакивание каблучков босоножек при ходьбе. Он это продемонстрировал и попросил прислушаться к звуку – шаркающий, скребущий – шаркающий, скребущий. Продолжая тему женщин, м-р Тинг сказал нам, что проституция раньше не была так распространена в Камбодже, как во всей Азии. Если ему верить, правда заключалась в том, что эти французы-гедонисты⁶ занесли сюда древнейшую профессию в прошлом веке, чтобы их солдаты не скучали по дому. Все пошло от французов, а камбоджийцам потом уже было с этим не справиться. Вот почему, по словам людей, не живущих в отеле “Рояль”, водителя рикши можно “уложить” за вокзалом, взяв с него всего два доллара.

К вечеру я был измотан. В гостинице меня ждала записка: “М-ру Тому немедленно приступить к обязанностям в Передовом предвыборном отряде”. Вот так закончился мой первый и последний день изучения языка и культуры кхмер.

На следующий день на работе я и встретился со своим начальником, Хьюго. Хьюго был родом из Болгарии, а его акцент, по моему мнению, был похож на акцент графа Дракулы. Он переехал из Болгарии в Нью-Йорк для работы в ООН, и теперь его жена и дети живут в Коннектикуте, а его самого прислали в Камбоджу две недели назад. Я с ним поговорил минут двадцать.

⁶ Гедонист – сторонник, последователь гедонизма. Гедонизм – учение, согласно которому удовольствия являются высшим благом жизни.

Он имел довольно приятную наружность, но курил сигарету за сигаретой и выглядел немного осунувшимся для человека одного со мной возраста. Сразу же после нашей встречи Хьюго на три дня отправился “на площадку”. Потом у меня состоялся с ним еще один получасовой разговор, и он снова исчез на неделю. Но ничего, неожиданно прибыли компьютеры, и мне надо было их устанавливать. Без проблем. Затем мне нужно было обучать пятерых других работников. Без проблем.

Все шло хорошо...

Потом я узнал, почему меня выдернули из страноведческо-языкового класса. Было решено, что всех его студентов через несколько недель пошлют из столицы в провинции, где они произведут подробную перепись потенциальных избирателей, но прежде, чем они туда отправятся, другие должны расчистить им дорогу. Среди “других”, оказывается, должен быть я.

Таким образом, в апреле 1992 года мне доверили миссию – объездить в команде с другими волонтерами отдаленные провинции Камбоджи и собрать имеющиеся у правительственных камбоджийских работников данные о потенциальных избирателях.

Так что прощай, Пномпень, и...

Здравствуй, Кампонгчнанг

Я отправился на мой первый выезд со своим русским товарищем Сергеем и картографом ВООН. Оказалось, что все шесть картографов в избирательном компоненте также были волонтерами и, как и я, отозваны из страноведческих и языковых классов.

Первый русский дипломат, которого я встретил, Сергей, сразу же мне понравился. Интеллигентное лицо и полноватое тело делали его поразительно похожим на Наполеона Бонапарта. Дипломат всегда и везде, Сергей каждое утро энергично пожимал руки каждому в офисе. Его манеру всюду вести себя дипломатически дополняло курение сигарет через мундштук.

Нам нужно было добраться до Кампонгчнанга (Кам-бунг Ча-нанга), столицы провинции, носящей то же название, которая находилась всего лишь в 87 километрах от Пномпеня. Поскольку главная национальная дорога, автострада-5, соединяет Кампонгчнанг со столицей, мы подумали, что доехать туда будет несложно. Уже на окраине Пномпеня, однако, наш широкий бульвар сузился сначала до двух-, затем до полуторазполосного, а потом превратился в однополосную деревенскую дорогу, забитую машинами, мотоциклами, телегами, запряженными волами, груженными охапками соломы для защиты посуды по дороге на рынок в Пномпене. Дыша пылью, поднятой машинами, перевозчики восседали под соломенными навесами, защищающими их от солнца. В нашем “ниссане патруле” был кондиционер. Сергей сидел за рулем, а картограф и я додумали его бесконечными вопросами о Камбодже, на которые он терпеливо отвечал.

Меньше чем через час поток движения поредел, бамбуковые домики с крышами из листьев пришли на смену кирпичным и деревянным домам. Вдоль дороги, однако, все еще продавались безалкогольные напитки и кокосовые орехи. Стоял сухой сезон, и солнце нещадно палило. Попадались длинные незаасфальтированные участки дороги, и проезд по каждому мосту превращался в приключение. ООН каким-то образом подсчитала, что 4 100 мостов в Камбодже нуждались в ремонте, и многие из них, с дырами на месте выломанных досок или кусков покрытия, находились по дороге в Кампонгчнанг. Мосты стали источником трудоустройства для многих молодых мужчин, особенно безногих. Подавая сигналы руками, они помогали водителям объезжать дыры. Водители, озабоченные тем, чтобы не провалиться и не сорваться с моста, пристально следили за жестами рук. Когда машина наконец выезжала на противоположный берег, водитель вздыхал с облегчением и давал немного денег в эти, теперь протянутые руки.

Ремонт дороги также являлся источником дохода, но главным образом для маленьких детей. Он заключался в том, что вдоль всего поврежденного участка расставляли десятилетних мальчиков, предупреждающих, что впереди РАБОТАЮТ ДЕТИ. Другие мальчики кидали грязь и камни в выбоину, огороженную треножником из палок. Обслуживал эту команду ремонтников человек на велосипеде, с багажника которого свисали два ведра питьевой воды. Периодически он останавливался и поил детей, таким образом не давая им умереть от обезвоживания.

Один раз студенты в лагере для беженцев рассказали мне трогательную историю о ферме вот в таком месте. Они расписали ее как удивительно буколическую. Но сейчас, в разгар сухого сезона, всё, кроме листьев на верхушках деревьев, редко посаженных для тени вдоль дороги, и пальм, окаймляющих сухие рисовые поля, было коричневым, раскаленным и пыльным. Взглянув на детей, пасущих буйволов, на которых в деревне возят воду, я подумал – а стоило ли за все это воевать?

Дорога была в плохом состоянии, но к 10.30 мы доехали до Кампонгчнанга. Естественно, администрация провинции не знала, что мы едем, но нас приняли тепло. Пожав руки, мы сразу же сели за стол переговоров. Сергей, используя свои дипломатические и лингвистические

навыки, сделал небольшое вступление: “Мы из ЮНТАК, Временного органа ООН в Камбодже. Мы здесь, чтобы в начале 1993 г. помочь камбоджийцам провести свободные и справедливые выборы. Сейчас мы работаем над первой фазой, планированием, и будем счастливы получить любую возможную информацию о существующих округах, общинах, деревнях и их населении. Более того, наш картограф хотел бы видеть любые карты, которые у вас есть, чтобы определить границы избирательных округов”. Было ясно, что камбоджийцам понравилось официальное вступление – правительственные чиновники закивали в знак одобрения.

В помещении было жарко, не было электричества, и секретарша, единственная женщина в офисе, поставила перед нами воду со льдом (с местной фабрики льда). Картограф и я пили воду маленькими глотками, а Сергей и чиновники-кхмеры курили.

Чиновники решили, что справятся с поставленной задачей до конца дня, даже за такое короткое время.

– Да, очень хорошо, спасибо. Где нам пока побыть?

– Мы вас проводим в гостиницу.

Это был государственный отель. Людям, которые им занимались, почти ничего не платили, и они работали соответственно. Коридоры были такими же пыльными, как дорога, пол не подметали уже несколько месяцев, и уборка туалетов и душевых была отложена на неопределенное время. Тем не менее на кроватях под москитными сетками белели чистые простыни, и персонал был дружелюбным. Пыльный серо-бетонный цвет пола, стен и потолка являлся основным мотивом интерьеров; еще одной общей чертой был балкончик в каждой комнате.

Наши окна выходили на реку Тонлесап, у самого рынка. Широкая река казалась застывшей, вдоль берегов покачивались плоские рыболовецкие домики-лодки вьетнамцев. Эти ребята, на несколько месяцев приплывшие из Вьетнама, заявляли, что им нравится такая жизнь, а камбоджийцы предпочитали жить на суше.

Вечером, поторговавшись с местным рыбаком, мы организовали экскурсию вверх по реке на моторном каноэ. Ни у одного из плавучих домиков, покачивающихся у берегов, не было металлической крыши – только из листьев бамбука. Если б не изредка мелькавшие телеантенны, то можно было бы сказать, что это сцена из фильма Фрэнсиса Копполы “Апокалипсис сегодня”.

Наш лодочник доставил нас обратно еще до заката. Жара немного спала, и мы решили прогуляться вдоль реки. Я еще раз подметил, что только вьетнамцы жили на берегу у самой воды, но их дома торчали на высоких сваях на случай выхода реки из берегов в дождливый сезон. Голые по пояс босоногие дети вели себя так, будто они никогда раньше не видели иностранцев, и, возможно, так и было. Они толпились вокруг нас, кричали и смеялись. Бабушки орали на них, но дети не слушались.

Немного позже мы пересекли глубокий ручей по покосившемуся мосту без поручней. Середина моста раскачивалась, казалось, что следующий шаг будет последним. Местные, однако, спокойно шли по мосту в обоих направлениях. Перейдя на другую сторону, мы услышали выстрел из крупнокалиберной винтовки или из чего-то наподобие этого. Что произошло? Затем еще один выстрел и еще три. Люди, сохраняя спокойствие, пытались понять, где стреляли. Медленно они двинулись в сторону выстрелов, и медленно мы пошли за ними. Что могло случиться? Домашняя ссора? Ограбление? Нет, кто-то готовил обед, и в золе, по непонятным причинам, было пять пуль. Два милиционера услышали выстрелы и пришли провести расследование – два гражданских камбоджийца – в милицейских кепках, прочных рубашках, с автоматами. Поняв, что ничего не произошло, они разрешили мне запечатлеть их на фото. Один из них по привычке держал палец на курке.

Нам захотелось выпить пива в маленьком плавучем ресторанчике. Дружелюбные официантки-вьетнамки, познакомившись, пригласили нас опять их навестить этим же вечером. Две

из них танцевали ча-ча-ча. Еще одна подошла поближе и посмотрела на меня с выражением полной пустоты во взгляде, означающей: “За десять долларов, милый, я твоя”. Она сама была милая, но в моей жизни уже было достаточно пустоты.

Мы вернулись в гостиницу. Сергей принял свой четвертый или пятый за сегодняшний день душ и познакомил нас с еще тремя постоялицами пустого отеля – работницами местного банка. Теоретически они должны были получать стандартную государственную зарплату в двадцать тысяч риелей (около тридцати долларов) ежемесячно, но, по их словам, им часто недоплачивали. Девушки уже год прожили в этой грязной гостинице, хотя вид их комнаты создавал впечатление, что они только что въехали и не имели времени распаковаться. У одной из них глаза были в красных прожилках и навывкате, и кожа желтоватая – результат многих лет недоедания. Она смеялась, как гиена, и меня это сводило с ума.

Забота о здоровье ума, однако, вскоре отошла на второй план, потому что у меня началась диарея. Я проснулся посреди ночи от боли в животе в жаркой, темной комнате, лишенной воздуха. Чтобы добраться до туалета, нужно было пройти через вестибюль и пробежать пролет по скользким ступенькам. Я повесил свой фонарь на шнурке на шею, присел над дырой в полу и задумался над тем, что я вообще делаю в Камбодже.

Утром голова еще кружилась и расстройство желудка не прекращалось. Сергей сказал, что мне нужно пить рисовый отвар, настойчиво намекнул, что у нас много дел в Камбодже, и попросил забыть о недомогании. С этим все было ясно.

Мы поехали в штаб провинции. Там депутат, ответственный за отношения с ЮНТАК, уверенный в себе кхмер, сказал нам, что мы не просто первая делегация ЮНТАК, посетившая его провинцию, но и первая делегация, обязавшая его приступить к выполнению официальных обязанностей.

Депутат, выкурив несколько сигарет Сергея, представил нам результат своей работы. Так как копировальной машины не существовало, все было или написано от руки, или очень аккуратно напечатано на невероятно тонкой бумаге. Он озвучивал статистику на кхмере, Сергей записывал ее, а я тут же вносил данные в наш ноутбук. Я уже выучил числа на кхмере и понимал их, если он читал “1-2-5-9”, но если он произносил “одна тысяча двести пятьдесят девять” – я не понимал. К счастью, Сергей понимал все и его почерк был разборчивый. Тем утром в штабе провинции и потом в пыльном офисе округа нам стало ясно, что правительственные чиновники честно выполняли свой долг по ведению статистики в регионе. Они знали, сколько здесь живет людей, когда и откуда они приехали и кто из чужих поселился на этой территории.

Утром наш сердечный хозяин-депутат объявил, что устроит банкет в нашу честь, но к вечеру это обещание было забыто и заменено на приглашение выпить особенного пальмового вина, тодди. Он объяснил нам, что сок каких-то там особенных пальмовых деревьев был наиболее вкусен после девяти вечера и что он принесет его нам ровно в десять. Я был уверен, что в девять уже усну. Но в восемь, когда готовился идти спать, он объявился в отеле и пригласил к себе домой, где нас ожидало пальмовое вино.

Мы преодолели приличное расстояние среди кустарника по дороге, которая подошла бы для тестирования луноходов. По прибытии нас проводили вверх по деревянному крыльцу его однокомнатного дома, освещенного флуоресцентной лампой, приделанной к аккумулятору машины. То самое особенное пальмовое вино поджидало нас вместе с коробкой пива “Миллер Драфт”, приобретенной на случай непредвиденных обстоятельств.

После нескольких стаканов тодди и пары банок пива, чтобы его разбавить, наш хозяин заявил, первый раз заговорив по-английски, что я – его давно потерянный брат. Он рассказал, как работал с американцами до 1975 г. и какие теплые воспоминания сохранились у него о том периоде, какие нежные чувства он испытывал ко всем их родственникам. Затем заявил, что если бы меня направили работать в его провинцию, это стало бы одним из самых счастливых событий в его жизни. Теперь, когда он меня знал, по его словам, “очень хорошо”, он мог

с полной уверенностью добавить, что, если б мы работали в паре, это обеспечило бы успешные выборы в Кампонгчнанге. Наконец, когда мы уже наполовину опьянели и побратались, он похвастался, что обучал английскому мисс Чану, леди с глазами, налитыми кровью, которая проживала в той же гостинице и поехала с нами на вечеринку. Поддавшись общему духу, Чана, вопреки стандартам камбоджийской морали, сейчас допивала банку пива. Довольно уверенная в себе, после нескольких поощрительных тычков ее учителя, она тоже заговорила со мной по-английски. “Вэри йелл сенк ю”, – сказала она.

Тем временем стали собираться соседи, являясь откуда-то из тени, чтобы посмотреть на первых иностранцев на их улице. Камбоджийские дети, в отличие от вьетнамских, были очень тихими.

Мы покинули провинцию, тепло попрощавшись со всеми, и мой брат, депутат, не упустил случая доехать с нами до Пномпеня.

Путешествие в Баттамбанг и Бантеаймеантьей

Через пять дней меня и Сергея послали на выполнение нашей второй миссии: в провинции Баттамбанг (Бат-там-бонг) и Бантеаймеантьей (Бан-тии Мии-ан-чой). Это была особая миссия: туда должны лететь две команды на грузовых самолетах ООН, чтобы разобраться в ситуациях в обеих провинциях.

Мы летели на воздушном перевозчике животных, С160. Его дверь распахивалась сзади челюстью крокодила, чтобы можно было загрузить скот или, как в нашем случае, внести туда канцелярские шкафы, ящики медикаментов, багаж и другие необходимые вещи. Пассажиры сидели в длинных брезентовых навесах по обеим сторонам от фюзеляжа, окна были похожи на бессистемно разбросанные иллюминаторы корабля.

Из-за бюрократической путаницы наших имен не было в списке, но с удостоверениями ЮНТАК нас пропустили в самолет. Там было, как в машине с закрытыми окнами в жаркий летний день. Так мы жарились несколько минут, пока не заработал двигатель. И когда он заработал, его грохот заполнил собой все и любой разговор стал невозможен. Длинная пробежка по взлетной полосе – и мы в воздухе. Прохладнее стало только после набора высоты.

Через сорок пять минут мы приземлились в Баттамбанге, где нас ждал водитель, бывший шофер польского посла. Баттамбанг – второй по величине город в Камбодже. Его можно пересечь на мотоцикле за полчаса. Он, с его тенистыми улицами, проложенными французами так, что главные идут параллельно реке, обладает некоторым шармом Восточного полушария. В центре города стоит огромный белый особняк XIX века, утопающий в цветах, с двумя пушками у ворот. Когда-то он принадлежал французскому губернатору. Нас провели внутрь и быстро скрыли от суеты особняка в тихом конференц-зале. Мы сидели за огромным круглым деревянным полированным столом, ждали, думая о том, как в этой провинции обстоят дела.

Провинция Баттамбанг граничит с Таиландом, и именно отсюда многие беженцы уходили в Таиланд в 1979 г. и начале восьмидесятых. Сейчас, благодаря Парижскому мирному договору и ООН, 370 000 этих беженцев, которых называли “возвращающимися”, были на пути домой из Таиланда. ООН обеспечивала безопасность возвращающихся, и Баттамбанг радовался переменам. ЮНТАК щедро давала деньги на строительство и ремонт дорог, жилье, полицейскую защиту идущих домой, выкапывание колодцев и другие улучшения инфраструктуры. Соответственно, кое-что перепало на улучшение работы местных властей.

Мы уже засомневались, помнят ли о нас, когда вошел сам м-р Губернатор. Мы встали и пожали друг другу руки. Я сразу же понял, что губернатор, в отличие от моего друга в Кампонгчанге, никогда бы не принял меня за своего давно потерянного брата. Он был похож на жирного Чеширского Кота, сидел в своем любимом кресле, зевал, курил сигарету и изучал потолок все то время, пока Сергей объяснял задачи нашей миссии. Было ясно, что мы его не очень интересовали, тем не менее в присущей ему манере внезапно принимать решения он вдруг назначил нам в помощь одного из своих лейтенантов и пожелал всего хорошего. Уходя, мы встретили две другие делегации ООН – группу индонезийских полицейских и юридического консультанта Высшей комиссии по делам беженцев ООН. Для губернатора мы были всего лишь еще одной лишней заботой.

Лейтенант губернатора разместил нас за символическую плату в губернаторском гостевом доме. После Кампонгчанга он нам показался “Хилтоном” – большие чистые комнаты, выложенные плиткой полы, кондиционер, от трех до пяти кроватей в каждой комнате. Мы поставили наши сумки и сразу же пошли на ланч.

В Баттамбанге был только один ресторан, настолько хороший, что в нем даже давали меню. Ресторан “Голубая река” выходил окнами на мутно-коричневую реку Баттамбанг, берег которой по камбоджийской традиции был превращен в мусорник ресторана. Все было так, как

должно быть. В ресторане, заполненном невооруженными солдатами ООН и полицией, работниками НГО и несколькими камбоджийцами, по телевизору постоянно крутили рок-видео из соседнего Таиланда.

После обеда мы еще раз встретились с государственными чиновниками, и, как обычно, Сергей записывал данные о численности населения, а я вводил их в наш компьютер.

Вечером мы пошли в тот же ресторан. Там певица в сопровождении музыкальной группы исполняла слащавые камбоджийские песни о любви, а две официантки медленно танцевали. Нигде не было видно никаких вьетнамок, но я подумал, что по закону спроса и предложения через месяц или два камбоджийские проститутки столкнутся с серьезной конкуренцией. После ужина я распечатал собранные за день данные, а позже вечером Сергей их проверил. Ощущение прохлады в комнате с кондиционером было чудесным, когда мы наконец пошли спать. Все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Посреди ночи электричество отключили, и мы проснулись мокрые от пота в жаркой, душной комнате. Мой неустрашимый бодрый лидер сказал, что в нашем грузовике, к счастью, есть кондиционер. Встав пораньше утром, мы двое, картограф и водитель проехали шестьдесят километров на север, в столицу провинции Бантеаймеантьей, Сисопхон (Си-со-поун).

По дороге я заметил, что сельская местность стала зеленее, более тропической, чем около Пномпеня. Я обратил внимание Сергея на то, что у многих людей здесь дела, кажется, идут очень неплохо для камбоджийских фермеров. Он согласился, добавив, что этот уголок Камбоджи, с его большими полями и обильными осадками, считается рисовой корзиной страны. Даже в сухой сезон фермерам удастся сохранить свои небольшие ирригационные прудики.

На дороге, как обычно, было много выбоин и ям, но они быстро исчезли. ООН производила работы по улучшению этой дороги от Баттамбанга до Сисопхона, а инженеры Королевской тайской армии – от Сисопхона до Араньяпратета (А-рань-я-пра-тет) на тайской границе. Последние тринадцать лет Араньяпратет служил центром тайско-камбоджийских спасательных операций на границе. Почти на каждой проезжающей мимо машине, как и на нашей, большими черными буквами было написано “ООН”. Огромные самосвалы и дорожно-сортировочные средства проезжали мимо, поднимая клубы пыли, из-за которых водители вынуждены были ехать с включенными фарами. Мы проехали мимо временных лагерей, которые были организованы для возвращающихся, – прочно сколоченные деревянные бараки, на которых, без сомнения, разбогатели некоторые подрядчики.

Мы добрались до Сисопхона с ощущением, что провели три часа в цементной коробке. Но мой русский лидер был, как всегда, на высоте: он представил нас администрации провинции так, как будто только что сошел с трапа американского президентского лайнера. В этот раз оказалось, что губернатор м-р Ит Лер – старый друг Сергея (он учился в России). Как и у губернатора предыдущей провинции, у него было слишком много встреч с иностранными помощниками, но он приветствовал нас тепло и дружелюбно. Он произвел на меня впечатление человека, который стал бы артистом, если судьба не вмешалась бы и не сделала из него губернатора. Он назначил нам в помощь своего начальника полиции.

Мы сидели возле офиса губернатора в тени большого мангового дерева, когда мимо нас проехала колонна автобусов, забитых камбоджийцами, возвращающимися из Таиланда. Процессию замыкали несколько грузовиков с их вещами. Нам сказали, что Сисопхон, находящийся всего лишь в пятидесяти километрах от тайской границы и Араньяпратета, превратился в ворота для возвращающихся в Камбоджу.

Первая встреча завершилась, наступило время обеда. Начальник полиции и его лейтенант ехали впереди на мотоцикле, каким-то образом лавируя в пыли, показывая нам дорогу к лучшему ресторану в городе, “Чунг Хуа”. На обед была курица, кроме того, огромная живая кудахтающая курица бегала под столом и вокруг него на протяжении всего обеда.

Поскольку с нами был шеф полиции, обслуживание было отличным. Для себя полицейские заказали пиво и слишком большой, по моему мнению, ланч. Мне принесли жареную рыбу с овощами. В конце обеда официантка вручила счет полицейскому, он застенчиво улыбнулся и передал его нам. Обед был за наш счет и ужин – тоже. Вышло почти по пять долларов на каждого.

Начальник отвел нас в лучший и единственный отель в городе, правительственный гостевой дом. Наша комната занимала весь верхний этаж обветшалого двухэтажного здания и представляла собой длинный зал с восьмью узкими кроватями. Внизу размещались бак с накачанной для мытья водой и одинокий унитаз.

Вентиляторы отсутствовали, а в тени было 360 по Цельсию (960 по Фаренгейту). В соседней комнате жили солдаты ООН из Малайзии и Индонезии. Когда и они пожаловались на жару, мне немного полегчало.

И этой, и следующей ночью, по мнению Сергея, было слишком жарко, чтобы спать. Жарясь в нашей бетонной печи без кондиционера, мы долго не могли уснуть, даже после того, как завершился показ вечерних десятичасовых новостей по ВВС⁷. Мы продолжали говорить, пока не убедились, что исчерпали все возможные темы человеческих разговоров, включая декламацию стихов Пушкина по-русски, для лучшего понимания “непостижимой русской души”. В итоге, когда уже нечего было сказать, у Сергея вырвалось:

– Ты не представляешь, насколько я все это ненавижу.

– Ненавижу что? – я был поражен. Неужели мой любезный русский лидер жалуется?

В комнате было темно. Мы оба вытянулись на наших матрасах.

– Ненавижу эту бесконечную езду, эту жару, машины, в которых укачивает, эту еду, эту комнату.

Он и правда жаловался.

– Ну же, – сказал я. – Это наше приключение, наше испытание. Мы на передовой.

– Я все это ненавижу. Передать не могу насколько.

– Тогда зачем ты здесь?

– Сейчас в России довольно трудные времена, а здесь мне неплохо платят, и, ты знаешь, за тринадцать лет Камбоджа превратилась в мою вторую родину.

– То есть все-таки она тебе немного нравится?

– Иногда бывает терпимо, но, ты знаешь, моему сыну сейчас шесть. У нас есть домик в деревне и несколько яблонь...

Сергей немного подумал.

– А у тебя... у тебя же могла быть комфортная жизнь в Америке. Зачем тебе это все?

– Мне в Америке скучно. А здесь нескучно.

В 39 мне все еще было нечего терять, уезжая из США.

– Я скучаю по моей жене, – продолжил Сергей.

– А я скучаю по цельнозерновым хлебцам и моему горному велосипеду... Но здесь все на грани, и мы тоже. Здесь, товарищ, мы на острие бритвы.

– Так тебе это нравится?

– Кажется, цветочки закончились – ягодки впереди.

– То есть для тебя это всего лишь очередное приключение?

– Здесь я занимаюсь тем, что наполняет жизнь смыслом.

– Ты так думаешь?

– Увидим.

На этом разговор завершился.

На следующее утро мы вернулись в Баттамбанг, а оттуда – в Пномпень.

⁷ ВВС – British Broadcasting Corporation.

Жизнь в отеле и иностранки

Я все еще жил в отеле “Рояль”. К отелю примыкал ресторан под открытым небом, представляющий собой около двадцати круглых бетонных столиков с зонтиками от солнца. Каждый вечер там устраивали дискотеку для вьетнамских проституток и похотливых иностранцев. Один раз я туда зашел. Леди в обтягивающих платьях и на высоких каблуках были профессионально красивы и экзотически привлекательны. Они сидели за столиками и поджидали пьяных, но прилично себя ведущих солдат ООН и гражданских, чтобы потанцевать с ними и, как они надеялись, пойти к ним домой. Я понял, что не выдержал бы и спустил все свои деньги, если бы выпил достаточно, чтобы почувствовать себя здесь комфортно. Туда я больше не вернулся. Однако почти каждый вечер какой-нибудь мужчина из работников отеля советовал мне привести к себе вьетнамку. Я так и не привел.

Я познакомился с другими иностранками, которые проститутками не были, – с секретаршами и администраторами ООН низшего ранга (все более высокие посты были заняты мужчинами). Вскоре у меня сложилось ощущение, что все женщины под сорок, не нашедшие “того единственного”, приехали в Камбоджу, так что у нас было много общего. Им хотелось рассказать мне о своей карьере или других интересных вещах – наподобие того, каково это работать в штабе ООН в Нью-Йорке. Одна из них спросила, не хотел бы я отправиться с ней на экскурсию по городу. Я согласился, и в следующее воскресенье мы съездили в несколько мест на грузовике ООН. Я сказал ей, что еще как-нибудь заеду, но почему-то у меня не нашлось времени.

Каждый день я ездил на работу на мототакси. Сначала мне нужно было объяснять толпе водителей мотоциклов, которые ждали у ворот “Рояля”, где был наш офис, но через несколько дней они все уже знали. Мне просто надо было выбежать из отеля, прыгнуть на заднее сиденье мотоцикла – и все. Ощущение в толпе мотоциклистов на забитой дороге немного пугало: будто ты муравей в огромном потоке муравьев. Иногда я дотрагивался до руки пассажира на соседнем мототакси, чтобы напомнить ему или ей, что вот-вот произойдет контакт между их ножным стартером и моими спицами. Иногда мне приходилось отталкивать наш мотоцикл от подсекающей машины. К моменту прибытия на работу я чувствовал себя всемогущим.

Я продолжал есть с водителями рикш, соотношение цены-качества было очень приличным. Обычный придорожный ресторан состоял из пяти-шести алюминиевых кастрюль, стоящих на низком столике. В одной кастрюле парился белый рис, в остальных кипели супы – овощные, рыбные и мясные. Всегда присутствовал свиной жир. Со скамеек водителям были видны их рикши, за которыми они наблюдали, наслаждаясь едой. Повара и водители всегда вели себя приветливо и дружелюбно, они изо всех сил старались, чтобы мне было комфортно, и иногда заводили со мной философский разговор, который включал в себя стискивание моего колена и смех над своими же собственными шутками, ни одну из которых я не понимал.

Через две недели после Батамбанга я поехал на последнюю выездную миссию.

“Миссия невыполнима” в Сиенреап и Прэахвихеа

Нам предстоит “Миссия невыполнима”: мы поедем туда, где невозможны радиоконтакты, где еще не ступала нога человека ООН – в самую дальнюю, захолустную и фактически неизведанную провинцию Прэахвихеа.

– Боже, Супермен, – сказал я Сергею. – Неужели это правда?

– Да, правда.

Сначала мы полетели в Сиенреап. Когда я пристегнулся в одном из брезентовых сидений, прикрученных вдоль борта самолета, мне стало весело от того, что я не в офисе, а опять в дороге с Сергеем, картографом, переводчиками и французским экипажем С160. Я засекаю время, чтобы узнать, сколько до Сиенреапа. Если верить карте, он был чуть-чуть ближе, чем Баттамбанг. И действительно, мы приземлились через сорок, а не сорок пять минут. Только вот была одна проблема: мы приземлились в Баттамбанге.

– Ничего страшного, – сказал нам французский экипаж. – Через час вылетаем в Сиенреап.

Пока мы ждали, австралийские солдаты-миротворцы, прибывшие сюда с нами, распаковали свое снаряжение. У них были пластиковые винтовки такой меткости, что “можно засадить парню пулю между глаз с четырехсот метров”. Все солдаты из Малайзии и Индонезии также захотели продемонстрировать свое оружие. По словам австралийцев, ООН не исключала “риска значительных потерь” для поддержания мира, и было похоже, что солдаты серьезно настроены. Через час, когда уже стало проходить ощущение “почти-началась-воздушная-болезнь”, мы вылетели в Сиенреап.

В ООН верили в то, что почти 20 % сельской местности в Камбодже остается под контролем красных кхмеров и что почти все эти места находятся в Северной Камбодже. Возможно, это объясняет, почему мы летели так низко – почти над самыми верхушками деревьев. Мы наслаждались полетом. Поскольку нас осталось в самолете всего семеро, экипаж разрешил нам вставать и рассматривать в иллюминаторы поля и леса внизу. Несколько раз стаи красивых белых птиц пролетали под нами.

На этот раз мы приземлились в Сиенреапе.

Сиенреап – это духовный центр Камбоджи, родина одного из самых величественных религиозных памятников в мире, Ангкора Вата. Все камбоджийцы заявляют, что хотят посетить Ангкор Ват прежде, чем умрут, но большинство так до него и не добираются. Это место считается настолько священным, что даже красные кхмеры его не тронули. Это одна из главных достопримечательностей Камбоджи, привлекающая толпы туристов, не случайно в аэропорту такой большой зал ожидания.

Нас встретил британский офицер военной связи, майор Льюис. Он сказал, что попытался организовать для нас поездку в пункт конечного назначения – столицу провинции Прэахвихеа, Тбенгмеантьей, но ни от кого не смог добиться, где это или как связаться с местными жителями.

– Ничего страшного, – сказал ему Сергей. – Это всего лишь детали, мы поедем завтра.

Мы стояли в прохладном зале ожидания, пытаюсь выяснить, как добраться до города, когда я заметил бодрого камбоджийца, сидевшего по-азиатски на пятках. Он повернулся к самолету, но я чувствовал, что он следит за нами: кто мы? что хотим? какая ему от нас может быть польза? Аккуратен, за тридцать, очки в проволочной оправе; казалось, что он пристально изучает самолет, одновременно оценивая нас. Майор Льюис, которому только монокля не хватало, чтобы стать вылитым офицером Британского Раджа, отметил, что нам нужно держать язык за зубами, поскольку этот джентльмен был офицером красных кхмеров и иностранная

военная разведка вступила с ним в секретный контакт. Мы все оглядели его еще раз, а он, кажется, и не заметил.

Сиенреап оказался приятным городком: многие улицы были тенистыми, через город медленно текла река, и похожий на дворец отель имел подходящее название “Гранд Отель д'Ангкор”. От Ангкора Вата нас отделяло всего лишь шесть километров дороги, которая пролегла через красивый лес, но была, к сожалению, заминирована. Комнаты в “Гранде” стоили \$46 долларов за ночь. Поэтому, когда пришел второй офицер военной связи, майор Ву из КНР, мы попросили его найти для нас более дешевое место. Майор Ву сказал на своем ломаном английском (продукте китайской образовательной системы), что будет счастлив нам помочь. Он поселил нас в маленьком гостевом доме. Владельцы, очень предприимчивая семья, на заднем дворе держали крокодилю ферму. Комната на двоих с кондиционером стоила \$25. Семья выращивала крокодилов, чтобы потом отправлять их в Таиланд, где из них делали сумки. Во всех комнатах, пахнувших свежим бетоном, были душевые и балконы с видом на огороженный вольер с крокодилами. Отель уже сам по себе был приятным сюрпризом. Вдобавок ко всему он был чистым.

Когда мы устроились, Сергей собрал нас всех, заказал воды со льдом и объявил план.

Мы разделимся: три члена команды – секретарь, картограф и переводчик – останутся в Сиенреапе для сбора данных, а Сергей, второй картограф, еще один переводчик и я – мы полетим вместе на вертолете ООН в Прэахвихеа, место, которое существует только на карте, как думают все в Сиенреапе. После обеда Сергей обратился к губернатору Сиенреапа с просьбой установить для нас контакт с Прэахвихеа. Мы еще раз зашли к нему вечером и получили ответ, что контакт с Прэахвихеа невозможен.

На карте Тбенгмеантьей находился от Сиенреапа примерно на таком же расстоянии, как Сиенреап от Баттамбанга. Попасть туда можно было только пролетев над территорией, которую кто-то называл “несогласной”, а кто-то говорил, что она контролируется красными кхмерами. Вечером я заговорил об этом с Сергеем.

– Ты написал завещание? – спросил он меня серьезно.

– Да, и отослал несколько писем домой прямо перед тем, как приехать сюда. А ты? Это ведь у тебя жена и сын, а не у меня.

– Я знаю.

– И?

– И я совершенно уверен, что ничего с нами не случится.

Я отстал от него и не стал выяснять, почему он так в этом уверен.

В семь утра мы были в аэропорту. Два офицера-связиста пришли нас проводить – им нужно было внести наш отъезд в протокол для последующих отчетов. Майор Льюис любезно предложил нам свои шлем и бронезилет. Поскольку они были в единственном экземпляре, Сергей отклонил предложение. Если с нами что-нибудь случится, то мы погибнем все вместе. Мы наблюдали за тем, как появился в небе и приземлился вертолет из Баттамбанга. Белая “Пума” с огромными черными буквами “ООН” на борту. Внутри могли разместиться от шести до восьми пассажиров на брезентовых откидных скамеечках, прикрученных к полу салона, а две из них располагались прямо за дверью кабины летчика.

Три члена французского экипажа вышли нам навстречу, сказали “бонжур” и пожали руки. Сергей показал им на карте место, где, по его мнению, мог быть Тбенгмеантьей.

Мы поднялись внутрь вертолета, пристегнулись, надели защитные наушники и ждали, когда экипаж закроет двери. Но было слишком жарко, чтобы их закрывать. И потом, зачем портить вид? “Да, – подумал я, – давайте будем крутыми и полетим с открытой дверью!”

Лопасты закружились, вертолет затрясся, и, даже с защитными наушниками, грохот достиг разрывающей перепонки силы.

Проскользнув над взлетной полосой, мы оказались в воздухе.

Один из военных связистов попросил пилота пролететь над Ангкор Ватом, и тот с удовольствием согласился. Мы пролетели над густым лесом, надо рвом, окружающим храм, и вот перед нами предстал Ангкор Ват. Сверху он был похож на песчаный волшебный замок, окруженный большой стеной. Длинная аллея вела к главному алтарю, три шпиля поднимались над храмом. Ангкор Ват был слишком мистическим, слишком похожим на сон, а не на самую большую религиозную конструкцию на Земле.

На моих часах был альтиметр – мы летели точно на высоте 1000 метров, около трех тысяч футов. Сельская местность – лес и рисовые поля – не сильно отличалась от того, что мы видели за день до этого, только сейчас под нами не было видно заасфальтированных дорог. Рисовые поля закончились, под нами промелькнул поросший лесом горный хребет с проплешинами из поваленных деревьев – вырубленных не кхмерами, а местными меньшинствами, до сих пор использующими метод подсечно-огневого земледелия.

Считалось, что большая часть Прэахвихеа контролировалась красными кхмерами. Меня не покидало чувство, что какой-нибудь идиот с автоматической винтовкой может открыть по нам огонь – по первому вертолету ООН, пролетающему над Прэахвихеа.

Сидя у открытой двери вертолета, глядя вниз на кроны деревьев джунглей, поджидая тихого, невидимого вестника смерти, который мог настичь меня быстрее, чем я бы его заметил в его лагере, скрытом под зеленым шатром леса, я ощутил тот ужас, который был знаком всем, кому приходилось летать во время вьетнамской войны. Этот ужас мог оказаться последним, что мне осталось в жизни. Охваченный им, я также понял, что полеты на вертолете с открытой дверью, когда сидишь на своей кепке и периодически хватаешься за соседа рядом, в то время как желудок выворачивается наизнанку, – это, возможно, одно из самых ярких впечатлений. Мне стало понятно, почему для пилотов вертолетов все в жизни кажется таким унылым по сравнению с их потрясающими полетами.

Примерно через час пилот каким-то образом определил, что мы находимся рядом с Тбенгмеантьей. Он сделал несколько кругов, пытаясь найти место для посадки, люди внизу вышли из домов и смотрели на нас как на инопланетян. Мы помахали им, и многие тоже помачали нам как пришельцам из космоса.

Экипаж решил приземлиться на местном футбольном поле. Когда мы вышли, толпа людей уже спешила нам навстречу. Впереди бежали дети из близлежащей школы. Все хотели знать, кто мы такие? Что хотим? Что можем для них сделать? У меня возникли встречные вопросы. Кто они такие? Что хотят? Никогда, что ли, не видели вертолета на футбольном поле? Вращающийся ротор создал внизу пыльную бурю. Все, кроме пилота, облаченного в шлем и защитные очки, закрывали глаза руками. Я подождал, пока ротор перестанет вращаться, открыл глаза и обнаружил, что весь покрыт пылью. “Орел”⁸ приземлился на Марсе.

Я осмотрелся. Толпа, плотным кольцом окружившая нас, приблизилась почти к самым лопастям вертолета, но выглядела дружелюбно. Переводчик спрыгнул вниз, за ним один член экипажа, вместе они подали знак толпе отойти назад. Дети, однако, не могли устоять перед искушением подойти поближе к “космическому кораблю”. Я выпрыгнул и воспользовался помощью одного из местных, чтобы оттолкнуть детей подальше.

Сергей двинулся в толпу, пытаясь выяснить, кто здесь за старшего.

Нам не пришлось долго ждать. Подъехал джип русского производства, и из него вышли люди в форме. Они сказали, что мы приземлились не там. Сергей извинился за грубое вторжение и объяснил им, кто мы такие. Они представились нам – чиновники местного правительства, не красные кхмеры. Когда вопрос знакомства был улажен, нам предложили доехать до офиса губернатора на джипе.

⁸ Космический аппарат.

Тем временем экипаж вертолета установил радиоантенну, чтобы проинформировать штаб, что мы все еще живы и добрались до места. Чуть позже Сергей объяснил пилотам, где правительственные чиновники просят их приземлиться в следующий раз, через 48 часов, и вертолет взмыл в небо.

Провинциальный штаб, как и все в Тбэнгмеантьее, находился неподалеку. Это был тихий городок, лишь несколько японских мотоциклов и русских джипов, проезжающих по темно-красным земляным дорогам, нарушали его спокойствие. Квадратные домики с деревянными и бамбуковыми крышами, окруженные частоколами, располагались на просторе. Возможно, Тбэнгмеантьей красив в сезон дождей. Сейчас, в зной, здесь преобладают оттенки коричневого, ощущается нехватка тенистой прохлады и зелени. Все вокруг сухое и раскаленное.

Мы въехали во двор правительственного комплекса, где нас уже ждали, хоть мы и явились без объявления. Нас провели в конференц-зал, усадили и сразу же подали китайский чай, а за ним 7Up со льдом. Провинциальная администрация справлялась с отсутствием кондиционера, вынося столы для официальных встреч на веранду, туда, где крыша дает тень и решетчатые стены пропускают случайный ветерок.

Сергей, как обычно, всех нас представил. Они вежливо закивали. Да, начал один из них, они слышали, что в Камбодже работает ООН, но мы были первыми ее представителями, приехавшими к ним в провинцию. Затем они сказали нам приблизительно то, что повторяли почти все, кого мы впоследствии встретили здесь:

“Нам надоела эта война, мы устали от борьбы, ужаса и смерти. Не могли бы вы помочь нам остановить войну? Мы хотим жить в мире, иметь возможность навещать родных и чувствовать себя в безопасности ночью. Вы можете помочь прекратить кровопролитие? Почему красные кхмеры продолжают сражаться? Остановит ли их ООН? Почему вы не поговорите с красными кхмерами и не спросите их, зачем они воюют? Когда наконец наступит мир?”

Мы хорошо знали Парижское мирное соглашение, поэтому смогли объяснить им кое-что из того, что будет происходить во время процесса мирного урегулирования, но мы не могли дать им точный ответ или говорить на правах ООН. Поэтому мы просто их выслушали.

Кое-что утешающее у нас все-таки было для них припасено. Мы сами только что услышали от австралийцев новости: глава военных операций ООН в Камбодже, генерал Сандерсон, сообщил, что красных кхмеров, не сдавших оружие, как и всех других неразоружившихся, объявят вне закона и будут преследовать. Это вселяло надежду на скорый мир.

Как всегда все были очень гостеприимными. К прибытию представителей ЮНТАК был назначен специальный комитет, его председатель пообещал сделать для нас все что угодно. Уже завтра он предоставит нам все статистические данные, а наш картограф получит возможность приступить к работе этим же вечером, используя карты, приготовленные местными военными. Но сначала нам нужно было разместиться в гостинице. Как обычно, единственным местом проживания в городе был правительственный гостевой дом. Председатель сказал нам, что мы там можем жить бесплатно и также бесплатно питаться. Такое было впервые.

Мы опять забрались в джип, хотя ехать было совсем недалеко.

Гостевой дом оказался хорошо проветриваемым двухэтажным деревянным зданием с большими комнатами и уютной мебелью. Туалет и душ находились на заднем дворе; в отдельной комнате – кухня, совмещенная со столовой. Когда мы приехали, повар с помощниками уже готовили для нас курицу.

Поваром была женщина, наполовину вьетнамка, наполовину камбоджийка. Она рассказала Сергею, что присутствовала на казни своих родителей и видела, как красные кхмеры убили

ее брата. Ей было чуть больше тридцати, но на ее лице застыло выражение вечного ужаса, которое встречается на лицах камбоджийцев. Она была великолепным поваром. Благодаря ей через два дня я вынужден был взять назад все нелестное, сказанное мною о камбоджийской кухне. Но не забывайте, она была наполовину вьетнамка. Она давала нам много свежих ростков фасоли, зеленых салатных листьев и острые (но не чересчур) изысканные соусы для риса, жареной рыбы и мяса.

Каким-то образом к каждой еде она умудрялась подавать импортное, то есть контрабандное, пиво. Прэахвихеа уже шесть недель как была отрезана от остальной Камбоджи. Правительство предупредило нас, что красные кхмеры прослушивают их телефонные разговоры. Узнав, что большая колонна, везущая рис, направлялась из Прэахвихеа в Пномпень, в южном направлении через Кампонгтхом по единственной оставшейся дороге, они заминировали эту дорогу. Когда первый грузовик подорвался на mine, красные кхмеры убили одного из водителей, отобрали рис и оставили второго умирать обезноженного. С тех пор никто не рисковал и не выезжал отсюда. Иногда совершались перелеты на вертолете в Пномпень и обратно, но очень редко. Тем более удивительно, что местный рынок был забит любым товаром, который только можно было пожелать, – наш картограф даже купил там себе рубашку для гольфа. Как это было возможно? А это было возможно потому, что за двадцать лет войны камбоджийцы научились контрабандой ввозить что угодно откуда угодно. Некоторый риск был присущ каждому бизнесу.

Администраторы провинции присоединились к нам во время обеда, потом пришли на ужин и так далее. Сергей сказал, что он еще ни разу не встречал камбоджийца, который бы ему не понравился, и я начинал понимать почему. Они слушали очень вежливо, было ясно, что здесь не любили спорить и противоречить, да и демонстрация морального или умственного превосходства в этой стране не принята в общении. Двоих из пяти мужчин, которые присоединились к нам, пригнали сюда войска Пол Пота из Пномпеня в конце семидесятых. По каким-то причинам они решили остаться. Они предпочитают спокойную жизнь. Это хорошо, если бы им не нравилась такая жизнь, то, я уверен, они давно бы сошли с ума в этих краях.

Эти двое, в отличие от нашей дорогой поварахи, ничего особенно плохого не могли сказать о Пол Поте и жизни в семидесятые. В этих местах не было никаких смертельных полей, и когда в 1979 г. сюда пришли вьетнамцы, красные кхмеры ушли в джунгли. Позднее, в восьмидесятые, когда во многих частях Камбоджи был голод, последовавший за вторжением вьетнамцев, Прэахвихеа, возможно из-за своего изолированного положения, смогла прокормить себя сама. Главным образом наши собеседники жаловались на продолжение войны. “Вот уж чего хватит! Да, все до чертиков устали от войны”, – повторяли они снова и снова.

Этим вечером мы приступили к нашему картографическому и статистическому исследованию. После обеда правительственный чиновник сообщил нам, что температура поднялась до 42 градусов по Цельсию (1080 F), то есть стало достаточно жарко для солдата-кхмера, чтобы выйти из правительственного офиса наружу и расстегнуть рубашку на минуту. “Да, – сказал нам один из чиновников, – Прэахвихеа – это самая жаркая и самая бедная провинция”.

На второй день после обеда, когда вся работа была сделана, правительственные чиновники предложили нам съездить в близлежащую деревню, в которой проживали этнические меньшинства. Нам это показалось интересным, и в три часа дня колонна из трех джипов (солдаты в первом) направилась в сторону той деревни.

– Но Сергей, – сказал я, когда мы уселись во второй джип, – если красные кхмеры прослушивают радиосвязь администрации провинции, они знают, что мы едем, так?

– Да, но не беспокойся. Мы ведь не везем рис.

– Да, конечно.

Всю дорогу я мучился вопросом, не заржавели ли у солдат в первой машине их древние винтовки.

Стоило только выехать за город, как дорога превратилась в две неровные колеи, петляющие среди кустарника. Нас сильно мотало в машине, но Сергей успокоил меня, заметив, что неизнашиваемые джипы русского производства могут пройти где угодно. Мы проехали по безжизненному кустарнику, чередовавшемуся с редкими листовыми перелесками, и через сорок минут оказались в деревне, которая выглядела совсем заброшенной. Все было в таком беспорядке, будто по улицам прошла чума или мародерствующая армия. Дворы не подметались, в домах не было ни окон ни дверей. Казалось, не сегодня завтра здесь все зарастет кустарником. Это была, сказали нам, та самая деревня, которую мы искали. Мы проехали в центр. Все население, возможно человек сто, поджидало нас в тени двух больших фиговых деревьев.

Деревенские жители стояли полукругом. Незамужние женщины с одной стороны, пожилые и старейшины – с другой. Между ними размещались три сдвинутых для пикника стола. Наш выход из машин сопровождался дружными аплодисментами – ведь приезд людей из ООН означал возможность мира!

Мы пожали руки всем, кто хотел пожать руки, и сели за стол. Нас продолжали внимательно разглядывать. Все хотели посмотреть на иностранцев. И мы хотели посмотреть на них. Эти “этнические меньшинства” выглядели как кхмеры и говорили на кхмере, как и все остальные в Камбодже, с кем мы общались. Вот что их действительно отличало от других, так это то, что все они задыхались от кашля. Его отрывистый и сухой звук являлся сопровождающим фоном любого разговора. У некоторых детей были безжизненные жесткие волосы – следствие витаминной недостаточности. У некоторых взрослых были серьезные проблемы с глазами и зубами, но у всех было по четыре конечности, что не совсем обычно в Камбодже.

Наши хозяева предложили нам лучшее, что у них было – 7ур, местный чай и кокосовый тодди. Мы выбрали тодди. Сергей объяснял смысл нашей миссии, все слушали. Вскоре кто-то притащил большой переносной магнитофон и обрушил на нас визгливый рок-н-ролл на кхмере. Сергей попросил вместо этого сыграть местную музыку, в ту же минуту два молодых человека исчезли и вернулись с деревенским ансамблем – скрипачом и барабанщиком. Они заиграли аккомпанемент для *ром-вунга*, самого популярного танца в этой части Азии. Было сформировано два круга, первый, из женщин, внутри второго. Оба круга, вращаясь в одном направлении, медленно двигались в такт музыке в ритме, заданном маленьким ручным барабаном. Танец включает в себя и движения рук, но если танцоры слишком пьяные или слишком жарко, то можно просто ходить. Никто никогда не дотрагивается до своего партнера. После нескольких стаканов кокосового тодди по всеобщей просьбе мы присоединились к ром-вунгу. Моей партнершей по танцу была полная 14-летняя девушка, которая сразу сказала, что я “парень ничего, хотя и иностранец”, но ей нужно ждать семнадцатилетия, чтобы вступить в брак. “Да, – сказал я, – лучше подождать”.

Мне было почти сорок, а я все еще ждал.

Чиновники в гостевом доме не выключали электричество до полуночи, хотя мы их об этом не просили. Генератор из экономии можно было и в десять выключить, мы бы не возражали. Они сказали, что комфорт и счастье дорогих гостей для них на первом месте. Однако после девяти им уже не хотелось с нами говорить, отвлекаясь от своей карточной игры, которая, по случайному совпадению, продолжалась до полуночи.

На следующее утро мы собрались на официальной вертолетной парковке. Вертолет приземлился вовремя. Мы пожали всем руки еще раз и поднялись на борт. Когда мы взлетели, члены экипажа раздали нам шоколадные батончики и потом, чтобы проверить, все ли пристегнулись и переварили завтрак, пилот выполнил несколько сложных фигур и стремительных снижений над деревней.

Тем вечером мы воссоединились с остальными членами команды, которые остались в Сиемреапе. Выпив пару банок пива, Сергей, в лучших традициях Толстого и Солженицына, рассказал свою версию нашего возвращения. Оказывается, на обратном пути наш вертолет

сбила зенитная управляемая ракета. Когда мы начали медленно терять высоту, я спрыгнул с парашютом, чтобы облегчить пассажирский вес. После этого пилот смог вернуть контроль над машиной и посадил ее на отдаленной горной вершине, где каким-то образом починил вертолет. Я там с ними встретился, представьте, проскользнув под небольшим огнем красных кхмеров. Потом, прибавил Сергей, началась жаркая битва, и он вырвал гранатомет у одного из солдат и взорвал и его, и его дружков. “Некоторые детали сейчас не очень хорошо проработаны, – заключил рассказчик, – но ничего страшного, поскольку я лично буду сдавать подробный отчет Генеральному секретарю ООН, сейчас над этим корпеть вовсе не обязательно”.

Глава 2

Больше не имеет смысла Июнь – июль 1992 года

Настоящая перепись населения Камбоджи

Это был мой последний выезд, моя последняя командировка с Сергеем. Его перевели на административный пост в Избирательный отдел, а я остался работать в офисе, который позднее все стали называть “компьютерной комнатой”. Начинаясь *настоящая* перепись населения Камбоджи.

Волонтеры ООН, пройдя курс языка и культуры, соберут сведения об имеющих право голосовать избирателях Камбоджи. В двадцати одной провинции Камбоджи около одиннадцати тысяч деревень. Каждому волонтеру назначалась провинция или две, команда переводчиков, мотоциклы, грузовики, несколько радиоприемников и одна “Форма описания деревни” для каждой деревни в его регионе. Вроде неплохой план. Вот только “Форма описания деревни” была составлена французом, который не очень хорошо умел читать по-английски. Он состряпал форму, скопировав вопросы, которые прочитал в официальном отчете, написанном еще кем-то для того, чтобы подчеркнуть необходимость организации Передового предвыборного отряда в Камбодже. Никто не апробировал анкету, не обсудил ее, никто не спросил, какие данные будут обрабатываться с помощью этой формы. Те ли он задал вопросы? Никто не знал. Никто не уточнил. Несколько раз меня, как знатока компьютеров, попросили внести изменения в эту форму, но никто не сказал мне зачем.

Любой изучающий историю понимает, что люди не учатся на своих ошибках и не слушают антропологов – что те могут знать? Так что вначале наша работа напоминала мне блуждание в тумане.

Многие волонтеры ООН приехали из Индии и Непала. У них возникли трудности с пониманием моего американского английского и еще больше трудностей с тем, чтобы следовать письменным инструкциям на английском, это выяснилось, когда меня попросили вести компьютерный класс для начинающих. ООН собиралась дать каждому из них ноутбук – символ ООН в Камбодже – и было естественно, что волонтеры должны были знать, как им пользоваться. Логично.

Я распланировал занятия и повесил листок для регистрации на стену. Все, кто хотел заниматься завтра в 10 утра, могли здесь записать свое имя. Потом пронумеровал строки от одного до двадцати, по количеству мест в группе.

Сложная инструкция, написанная на английском, сбивала с толку моих коллег из Южной Азии: “Запишите ниже свое имя, если вы хотите заниматься в этом классе”.

На следующий день я узнал, что большинство втиснули свое имя в строку под номером 10, потому что, как один из них сказал мне: “Мы все хотели изучать компьютеры в 10”.

Плохое предзнаменование.

Таким образом, несколькими днями позже, когда мои коллеги уехали из Пномпеня в своих грузовиках с кондиционерами, забитых их личными принадлежностями, радиотелефонами за \$800 и ноутбуками за \$4000, у них было самое размытое представление о том, в чем заключается их работа. Никто не объяснил им их обязанности *так, чтобы они поняли*, а они, как принято в Азии, не переспросили. Некоторые из них были очень умными людьми. Один

мужчина из Индии провел много лет в Вашингтоне, жонглируя цифрами в Агентстве международного развития (А. М. Р).

– Статистика, – сказал он, когда я спросил его, согласился бы он работать с цифрами на Марсе. – О да, мне очень нравится работать статистиком.

Работа началась. Из отчета, в котором описывалась необходимость в Передовом предвыборном отряде, я заключил, что нашей главной задачей было выяснить, где находились деревни, сколько потенциальных избирателей в них проживало и насколько легко было бы избирателю из деревни А добраться до деревни В, чтобы проголосовать. Один из пунктов формы гласил: “Обсудите обычный маршрут передвижений людей”. Для меня это означало, что если кто-то из деревень А, В и С ездил на рынок в деревню D, тогда было бы логично устроить избирательный участок в D. Но никто не объяснил это людям, собиравшим данные в провинциях. Из форм, которые начали возвращаться в компьютерный зал, можно было сделать вывод: многие в Камбодже бывают только на рисовых полях и нигде больше. В конце этой же формы был раздел “Другие комментарии”, иногда включавшие в себя нечто неожиданное, наподобие “Глава деревни попросил ООН построить госпиталь, школу и выкопать колодец, так как вода – большая проблема”. Мы также обнаружили, что многие волонтеры или их помощники не потрудились *действительно съездить* в отдаленные деревни и вместо этого просто расспросили правительственных чиновников о них – точно так же, как я и Сергей делали, когда вихрем проносились по отдаленным провинциям.

Обзор также призывал сделать карту региона, чтобы можно было вернуться в обозначенную деревню, но ничего не говорилось о том, как должна быть выполнена карта. Во многих частях Азии, если вы попросите кого-нибудь показать дорогу, люди немного проводят вас или скажут: “Идите туда и спросите кого-нибудь еще”. Не было ничего неожиданного в том, что мало кто умел составлять карты. Через несколько недель, когда карты начали поступать к нам в офис, я заметил, что показатели направлений и масштаб до сих пор оставались загадкой для наших новоиспеченных картографов. Один из них прекрасно начертил карты желтым и зеленым текстовыделителем, но при копировании они превращались в идеально белые листы.

Большая часть данных была, как говорят на компьютерном языке, МТМО – “мусор туда – мусор оттуда”.

Почему провалился коммунизм

Мой босс, Хьюго, родился, провел детство и юность в бывшей социалистической республике Болгарии. Он обладал тем самым европейским обаянием, от которого американцы чувствуют себя выросшими в сарае. Когда я встречал европейку, я говорил: “Эй, как дела?” Он же при встрече целовал ее в обе щеки. Когда мы ходили в ресторан (а я это делал, когда кто-то другой платил), он заказывал что-нибудь вроде “охлажденного шардоне”. Я же заказывал пиво со льдом. Он был безупречно воспитан, без сомнения, но все его ненавидели. Где бы ни ступила его нога, у него сразу же появлялись враги. Стольким людям он не нравился, что я решил попытаться к нему хорошо относиться, чтобы отличаться от них, но не смог.

Он предлагал камбоджийцам, которые работали в офисе, не стесняться, громче говорить и больше упражняться в английском, разговаривая с ним. Но проблема была не в его слухе или их английском. Проблема была в том, что они его ненавидели. Камбоджийцы, даже после 21 года войны, пожалуй, одни из самых спокойных и вежливых людей на планете. Они настолько вежливы, что в большинстве случаев даже не называют людей по имени. Здесь все – “брат”, “дядя” или “старшая сестра”. Камбоджийцам нравятся теплые отношения со всеми, Хьюго же предпочитал “механические”. Для него человек был чем-то вроде молотка или пилы, и если инструмент не делал работу так, как хотел Хьюго, тот орал на него или отбрасывал в сторону как ненужную вещь.

В Южной Азии не принято показывать гнев на людях. Если вы будете его демонстрировать, вам этого не забудут и возненавидят навсегда. После нескольких недель работы с Хьюго камбоджийцы в офисе сказали мне, что они возненавидели его навсегда. Хьюго олицетворял собою жизнь коммунистической Болгарии. Несмотря на это, он был, в своем роде, блестящим программистом.

Тем не менее он нарушил первое правило формирования базы данных: никогда ничему не присваивать имена – использовать номера. В именах могут быть допущены орфографические ошибки, они могут быть продублированы, записаны наоборот или еще как-нибудь перепутаны, вот почему система Социального страхования США присваивает каждому номер. Первое правило было не для Хьюго. Многие имена были внесены в систему с ошибками, продублированы, записаны наоборот и всячески перепутаны, что и следовало ожидать.

Для Хьюго все и всегда превращалось в проблему и все, сделанное другими, было не так (за исключением его начальства, которое всегда было право). По мнению Хьюго, чтобы все было хорошо, мы должны лишь как мелкие сошки, не обсуждая, исполнять приказы начальства. При его режиме я и камбоджийцы научились притворяться дурачками. Если ты всего лишь бесполезный инструмент, сохраняй спокойствие. После нескольких недель работы бок о бок с Хьюго у меня сформировалось четкое представление о том, почему рухнул коммунизм, и я твердо решил никогда не ездить в Болгарию.

В команде компьютерной комнаты был еще один волонтер ООН, Мохаммед Али из Пакистана. Высокий, худощавый, беспрестанно куривший, он работал программистом в Пакистане и был убежден, что может выполнять эту же работу в Камбодже. Он изо всех сил старался, работая вместе с Хьюго над формированием базы данных, но через несколько дней они с Хьюго перестали разговаривать. Мне кажется, что Мохаммед Али теперь тоже понимает, почему рухнул коммунизм, и никогда не поедет в Болгарию.

Правила вождения и дорожная безопасность в Пномпене

Я уже пробыл в Камбодже восемь недель, когда ООН решила переместить всех волонтеров, не уехавших в провинции, из нашего любимого отеля “Рояль” в гостевой дом. Место нашей работы не поменялось, но гостевой дом находился на другом конце Пномпеня, поэтому я продолжал ездить на работу на мототакси.

К этому времени я уже вышел на такой уровень знаний в области мототакси, что мне практически равных не было среди других экспатриантов. Иностранцы в Пномпене говорят, что мотоциклисты водят, не обращая внимания вообще ни на никакие правила, но я, как опытный пассажир и бывший университетский лектор антропологии, понял, что в действительности водители следовали своему собственному своду правил:

1. Никогда не останавливайтесь на перекрестках. Как-нибудь прорывайтесь через них; если уж вам совсем не повезло, ненадолго выезжайте на встречную полосу или на обочину. Если вам там мешает вода или слишком много пешеходов, ничего страшного; поезжайте по середине полосы, против движения. (На Западе это называется “опасная игра”. Для Камбоджи это просто нормальный стиль вождения.)

2. Никогда не надевайте шлем. Шлемы существуют для иностранцев и продаются на рынке за 12 долларов. Это правда, что большинство летальных исходов в дорожных авариях (а их много) происходит из-за травм головы. Тем не менее, если вы внимательно смотрите, куда едете, и даже если вообще не смотрите, куда едете, авария произойдет не с вами, а с кем-нибудь другим. Кроме того, от ношения шлемов выпадают волосы.

3. Не обращайте внимания на дорожные знаки и на то, что на Западе называется “здравым смыслом”. “Одностороннее движение”, “Будьте внимательны, въезжая на перекресток”, “Медленно едущие ближе к тротуару” и “Машины для инвалидов у края дороги” – абсолютно не имеют смысла для водителей Пномпеня.

Я чуть не погиб из-за первого правила. Мой водитель мчался в северном направлении по бульвару Монивонг – главной торговой улице – в сторону перекрестка, где перед Новым рынком сливались два интенсивных потока движения. Как обычно, машины и мотоциклы влетали на перекресток на полной скорости, будто они были единственными на дороге. С заднего сиденья мотоцикла я смотрел вперед и чувствовал себя так, будто бы попал в какую-то ужасную полноцветно-графическую мультимедийную компьютерную игру с улучшенным звуком – “Мотоциклетную Крагу”. Каким образом, думал я, этот парень сможет проскочить перекресток так, чтобы в нас не врезались? Но в нас таки врезались. Руль встречного мотоцикла ударом в живот сбил меня с заднего сиденья. Через минуту я поднялся. Рубашка порвана, живот липкий от крови, колено кровоточило и рука болела. Я был в состоянии шока, перед глазами все расплывалось, а водители в это время пытались решить, начать ли им драку или просто разойтись. В течение минуты они угрожающе смотрели друг на друга, а потом решили оставить все как есть. Мой таксист подал мне знак опять сесть на его мотоцикл.

Когда мы приехали, я, с трудом проковыляв внутрь офиса, попросил переводчика кхмер объяснить моему водителю, что он, без сомнения, самый плохой мототаксист в Пномпене из всех претендующих на это звание. Потом, используя язык жестов, я указал на свою разорванную рубашку, на живот в крови, на разбитое колено, на руку, которая еще болела, и добавил, что он должен быть благодарен за то, что я не заявил в полицию. Водитель покивал и сказал,

что у меня есть право на свое мнение, но, что гораздо важнее, у него есть право на свою плату. Я был на последней стадии шока, поэтому ему заплатил.

В офисе я нашел спокойный уголок, прилег и задумался о том, что произойдет дальше. Смерть от внутреннего кровотечения, подумал я, – это один из наименее неряшливых способов отойти в иной мир. Когда стемнело, я... я уснул. Через пятнадцать минут очнулся. По всем признакам я еще был жив. Вскоре стало ясно, что, если не считать отпечатка руля мотоцикла на моем животе, чрезвычайно мужественного, и крови на рубашке, что тоже подтверждало мое мужество, я, кажется, был цел, по крайней мере, физически.

Продавались и обезьяны, и марихуана, и обычные азиатские деликатесы – живые лягушки, угри, живые и жареные насекомые. Люди, которые ничего не продавали, зарабатывали на жизнь гаданием, хиромантией и попрошайничеством или сидели на полу у весов, надеясь, что кто-нибудь захочет узнать свой вес за один цент. Я там ел свой ланч, устроившись на маленькой табуретке в одной из палаток. Было жарко, шумно, дымно. Везде толпились люди, в больших количествах роились специально дрессированные камбоджийские мухи. Еда готовилась на хворосте, дым выходил через дыры в низкой металлической крыше, и балки становились черными от сажи. Иностранцы, с которыми я работал, говорили мне, что их начинает мутить, даже когда они просто проходят через рынок, но для меня он был экзотически захватывающим. Меня всегда развлекала проходящая мимо толпа. Пока я там сидел, я легко мог представить себе, как кто-то продает свою дочь-девственницу администратору ЮНТАК (сплетни, без сомнения) или переправляет грузовик автоматов АК-47 иностранному правительству (возможно, правда). Часто я покупал ланч одному или двум попрошайкам. Они просили денег, но я предлагал им присесть рядом со мной. Обычно их удивляло приглашение и они не особенно благодарили меня за обед. Но разве они должны? И потом, какое мне дело?

У некоторых попрошаек не было пальцев, конечностей или глаз, не говоря уже о мужьях, ваннх или чистой одежде. Однажды я увидел там слепого, который бродил по рынку, играя на гитаре. Гитара, как и ее владелец, была на грани – она не рассыпалась только потому, что к ней был приклеен чехол из мешковины. Музыкант держал гитару прямо перед собой, чтобы не задеть других людей, пробираясь через толпу. Перед ним шла женщина лет сорока, его жена. Она тоже была слепая. Короткая веревка тянулась от талии женщины к штанам мужа. Ее рваная рубашка была расстегнута, обнажая обвисшую грудь, вскормившую ребенка. Одной рукой она держалась за плечо маленького мальчика, очевидно сына, который шел перед ними и был зрячим. Не нужно было знать кхмер, чтобы понять, что ее муж пел погребальную песню о человеке, которому никогда не везло. Он знал всего несколько аккордов. Люди на рынке были довольно суровы, но даже они оборачивались вслед этой семье.

Как-то раз моим гостем за ланчем оказался человек с ампутированной ниже колена ногой (небольшое увечье по сравнению с тем, как были искалечены многие из расположившихся у входа на рынок). Он продолжал носить армейскую форму, как и почти все другие ампутированные, и в нем чувствовалась некая военная выправка – возможно, бывший офицер. Он понял, что я пребываю в плохом настроении, страдаю от одиночества или похмелья – или от всего этого одновременно. Оставаясь в душе лидером, он посмотрел на меня взглядом, в котором читалось: “Привет, парень, как ты?”

Я отвернулся.

Он не отступил.

– Еда неплоха, а? – улыбнулся он.

– Ничего, – ответил я.

Он предложил мне сигарету.

Я сказал ему, что не курю. Тогда он сам закурил, откинулся назад и представил пантомиму курящей кинозвезды. Я не смог удержаться от улыбки.

Как-то вечером, несколько месяцев спустя, я увидел, как он, пьяный, спотыкаясь, бредет по улице. Жизнь попрошайки в итоге уничтожила в нем все лучшее.

Однажды девушка-подросток довольно приятной наружности попросила у меня денег. Было похоже, что последний раз она стирала свою одежду до вступления в пубертатный период – теперь она трещала на ней по всем швам.

– Откуда ты? – спросил я ее.

– Я из провинции Свайриенг, дядя, – сказала она.

– И что ты здесь делаешь?

- Ищу своего брата.
- Ты уже его нашла?
- Нет. Еще нет.
- Где он, как ты думаешь?
- Я не знаю, дядя. Только знаю, что он где-то в Пномпене.
- Понятно. – Я дал ей немного денег. – Удачи. Надеюсь, ты его найдешь.
- Когда я закончил ланч и выходил с рынка, она меня опять увидела.
- Сэр, сэр, – сказала она, протягивая руку. – Деньги на еду.
- Я ж тебе только что дал денег. Не помнишь?
- Простите, дядя. Все иностранцы похожи.

В другой раз у госпиталя Калметт я пригласил женщину с маленьким сыном поесть со мной лапши. Мать засомневалась, а мальчик, которому было около шести, прижался к ней, обняв за талию. Его лицо светилось такой радостью, как будто я купил ему билет в Диснейлэнд.

- О мама, – прошептал он, заглядывая ей в глаза – давай позавтракаем.
- У него было ужасное косоглазие. Они присели рядом со мной, и я купил им завтрак.

Офисная жизнь, адюльтер и леди из Таиланда

В офисе кризис следовал за кризисом, никто не понимал, что происходит, и это выливалось в большую проблему. Мы не видели и не понимали, к чему идем. Верна ли информация, которую мы собираем? Обрабатываем ли мы ее так, что она становится понятной для других? Будет ли она полезна? Мы не знали. Хьюго велел нам об этом не думать.

В начале июля из провинций начали прибывать толстые папки, набитые формами описания деревень, но нам было очень тяжело выбрать из них информацию для внесения в базу данных. Например, данные по провинции Пурсат, в которой было восемьсот деревень и пять округов, машинистки А, В и С могли внести в три разных компьютера за неделю, а в это время машинистки D, E и F вносили данные по другой провинции, Ратанакири, в которой было шестьсот деревень в девяти округах, в три других компьютера. Затем мы переносили данные из шести компьютеров в единую базу данных, чтобы сравнить Пурсат и Ратанакири. Это превращалось в большую проблему. Нам, безусловно, нужно было создать сеть, то есть подсоединить компьютеры друг к другу, но Хьюго, который считал, что начальство всегда право и его нельзя беспокоить, не захотел просить бюрократов ООН о такой сети, хотя потом ее создавали для разных подразделений ООН в Камбодже. Хьюго пытался найти свои собственные решения, ни одно из которых не было удачным. Персонал компьютерной комнаты кроме меня состоял еще из двух камбоджийцев, двух камбоджиек и одной тайки. Хьюго и Мохаммед Али, не переставая, курили в другой комнате. Мы все хорошо друг к другу относились, поэтому вместе съездили на несколько пикников, и вскоре женатый мужчина и одинокая женщина совершили прелюбодеяние. Но это был не я. Я присматривался к тайской леди по имени Лок.

Лок, с ее неидеальной кожей и кривой улыбкой, худую, как палка, никто не назвал бы хорошенькой, но она была милая и очень веселая – два качества, которыми знамениты тайцы. Я прожил в Таиланде около трех лет и кое-что знал о тайцах – с ними все в порядке. Лок была наполовину китаянка, но и с этим все в порядке. Китайцы занимаются бизнесом в Таиланде. У нее была сестра, Дим, которая работала бухгалтером в ООН в Бангкоке, прежде чем ее перевели в Камбоджу. Я думал, что Дим занимает высокий пост в ООН, потому что каждый день она заезжала в наш офис за сестрой на машине с шофером.

Мне начала нравиться Лок. Она была очаровательна. С самого начала она говорила мне, что я нравлюсь ей, потому что я нравлюсь всем женщинам, а всем женщинам нравлюсь, потому что я такой обаятельный. Перед такой тирадой было трудно устоять.

В конце мая Дим перевели в Сингапур, но машина с шофером продолжала приезжать теперь за Лок, которая осталась жить все в том же огромном доме. Лок иногда приглашала меня к себе на обед. Она ко мне присматривалась. Дом был удобен по всем стандартам. Внизу – большая гостиная, кухня и спальня. На втором этаже были еще спальни. Перед домом – большой двор. Управляющая (почтенная леди, китаянка) жила внизу. Она считала, что если будет говорить достаточно громко, то я начну понимать китайский. Система не работала, но ее это не смущало. Она убирала дом, готовила и совершала все покупки для Лок.

Таким образом, Лок, освобожденной от мирских обязанностей, жилось легко, хотя она и продолжала беспрестанно жаловаться.

Субботние вечера мы проводили вдвоем с Лок, разгуливая по Пномпеню. Нам было о чем поговорить: работа, ее прошлое и жизнь в Таиланде.

Вскоре я стал ее лучшим другом, как она часто мне говорила, но через некоторое время я понял, что она так же проста, как скучен длинный жаркий сухой камбоджийский день, и потерял к ней всяческий интерес.

Но жизнь коротка, и Лок все еще сидела рядом со мной в офисе. Я ей нравился, и мы дружили. К этому моменту я прожил в Камбодже три месяца, ООН уже наводнила страну

новыми офисами, оборудованием и людьми. Однако не хватало компьютерных специалистов, поэтому в наш офис часто обращались за помощью. Хьюго, который мог в очень грубой форме отказать всем, кроме своего начальства, отсылал их ко мне, если я не был слишком занят.

Так я познакомился с Сари из Пакистана, секретаршей из другого офиса ООН. Я помог ей избавиться от компьютерного вируса, и она пригласила меня на вечеринку, на которой я обнаружил, что Сари была на редкость неутомимой танцовщицей MTV. В два утра вечеринка закончилась, и сначала мы поехали на одном мототакси к ее дому, там она спрыгнула, а потом я вернулся к себе в офис. На следующей неделе я получил от нее приглашение на другую вечеринку. К тому времени я уже был в таком восторге от нее, что сказал другу, собирающемуся туда же: “Знаешь, Сари будет легко заметить – она там самая красивая женщина”. И вот она в ее обтягивающих джинсах и топике с открытыми плечами! Мы выпили пива, потанцевали и присели поговорить. И тут она нанесла мне удар, произнеся два самых страшных слова:

- Я замужем.
- Это хорошо, – сказал я.
- Что в этом хорошего?
- Я не знаю. Дай мне минуту об этом подумать.

Муж Сари, “единственный достойный мужчина в Пакистане”, там сейчас руководил бизнесом. “Ничего страшного, – сказала она, – в любом случае, мы можем остаться друзьями. “Ничего страшного”, – подумал я, пытаюсь показать, что со мной бывало и похуже. “В любом случае ты слишком сексуальна для своих двадцати с небольшим, чтобы еще оставаться свободной и чтобы тебе нравился такой, как я”. Но, как она сказала, ничего страшного.

В конце концов она решила, что будет опекать меня, синеглазого американца, который спит на полу в офисе. Она будет приглашать меня к себе в дом на обеды и водить в рестораны более высокого класса, которые один за другим появлялись в городе. Я не мог ей отказать и не мог уговорить ее обедать со мной на Новом рынке.

Сари жила в доме с подругой из Таиланда, Нарой. Однажды они вдвоем пригласили меня на пикник.

- Могу я взять с собой тайскую леди, которая работает с нами в офисе? – спросил я.
- Кто она?
- Я сказал им. Нара не знала Лок.
- У тебя есть ее фотография? – спросила Нара.
- Случайно оказалось, что есть. Нара посмотрела на карточку и сказала:
- О, да это сестра Дим! Мы все знаем Дим.
- Здесь что-то было не так.
- За этим последовала длинная история про Дим.

Нара работала в том же офисе ООН, где Дим занималась закупками вместе с пожилым мужчиной из Индии, м-ром Кришнадасом. Наре было известно, что м-р Кришнадас присвоил десятки тысяч долларов ООН; в тайской общине их с Дим считали сообщниками. Вместе они разработали махинацию, на которой наживались. Они закупали, например, пятьдесят офисных шкафов, а в отчете писали шестьдесят, присваивая себе стоимость десяти. Нара не стала вдаваться в подробности. Когда м-ра Кришнадаса перевели в Камбоджу, он взял с собой Дим и разместил ее в хорошем доме с прислугой, машиной и водителем. Когда Дим, с его благословения, перевели в Сингапур работать на закупках, м-р Кришнадас разрешил Лок пользоваться всем, чем он обеспечил Дим.

- Вы хорошо знаете Лок? – спросила меня Нара.
- Ну, я с ней целыми днями сижу в офисе и несколько раз бывал в ее доме.
- Вы наверняка заметили, что у нее нет тайских друзей.
- О, понимаю.
- Вы можете понимать, но не надо ничего говорить Лок.

– Да, конечно.

Теперь я знал, почему обыкновенная секретарша живет как королева.

Вот я – парень, который спит в офисе на полу, а вот Лок, и она приезжает на работу на машине с шофером. Что мне делать? Я думал об этом все выходные и решил написать анонимное письмо в местный отдел кадров ООН. Письмо начиналось с размышлений о том, как коррупция снижает уровень морали в ООН и разрушает ее репутацию.

Несколько дней спустя Лок пришла на работу пешком. Плетясь по дороге, она представляла собой жалкое зрелище. Хотя ей не было еще и тридцати, она никогда до этого не ходила так много пешком, и ей это не нравилось.

Через две недели глава администрации ЮНТАК выслал м-ра Кришнадаса из Камбоджи. Никто не мог понять, почему старика не арестовали, даже не уволили. Нара сообщила, что его перевели в Африку.

Еще через день Лок оставили без дома и служанки. Она спросила меня, знаю ли я какое-нибудь дешевое жилье. Я сообщил ей, что в моем гостевом доме ООН почему-то была комната, в которой никто не жил, где, я уверен, она могла бы жить бесплатно.

Через несколько недель она потеряла свою работу. Оказалось, что секретарскую должность она получила благодаря связям старика Кришнадаса, и теперь, когда он исчез, никто не стал ее удерживать. Хьюго пытался продлить ее контракт, но без связей это было безнадежно. В конце концов, кто она такая?

Когда ее контракт истек, она попросила меня помочь ей с резюме. “Конечно, – сказал я, – без проблем... помочь тебе с резюме – по крайней мере, хоть что-то я могу для тебя сделать”.

Через несколько месяцев после того, как я полностью потерял Лок из виду, волонтер ООН из Нигерии сказал мне по-английски с мелодичным акцентом, что Лок нашла работу в НГО в Пномпене и что он ходит к ней в дом на ланч.

– Она сказала, что я ей нравлюсь, – сияя, поделился он, – но она говорит, что это естественно, потому что я нравлюсь всем женщинам, а всем женщинам нравлюсь, потому что я такой обаятельный.

Кто может устоять перед такой тирадой?

Мир и кокосы

В начале июля наступил запоздалый дождливый сезон – по всему Ват Пному было по колено воды. Дождь охладил все вокруг настолько, что иногда мы выключали кондиционер и открывали окна, впуская прохладный, сладкий муссонный воздух в офис. Наверху в этом же здании был большой балкон, время от времени я там сидел и смотрел на дождь. Во время экспериментов по коммунальному образу жизни м-р Пот приказал своим садовникам насажать кокосовых деревьев по всему Пномпеню. Когда жители начали возвращаться в город в 1980 г., он был похож на джунгли, но кокосовые деревья решили не вырубать. Теперь деревьям было почти пятнадцать лет, хороший возраст для кокосов. Ветка кокосового дерева немного напоминает двустороннюю расческу, а тонкие длинные листики – ее зубчики. После полуденного муссонного дождя солнце сияло на ветках и они становились похожи на сияющие зеленые пальцы, махавшие вверх-вниз, когда их касался легкий ветерок.

С приходом сезона дождей “каникулы” ООН в Камбодже закончились, и все понимали, что мирный процесс в том виде, в котором он был описан в Парижском мирном договоре, находится под угрозой. В соответствии с договором 15 июня враждующие партии должны были начать размещение своих солдат в сборных центрах для переобучения. НАДК, или Национальная армия Демократической Кампучии, больше известная как “красные кхмеры”, решила не принимать в этом участия. НАДК заявила, что в Камбодже до сих пор слишком много вьетнамских военных, что старое правительство Пномпеня недостаточно разоружено и Верховный национальный совет не может осуществлять контроль над Камбоджей. ООН нужно было принять решение. Часть военного компонента выступала за преследование красных кхмеров, но глава всей операции ЮНТАК м-р Ясуши Акаши сказал: “Нет, просто ждите, возможно, они еще вернутся в строй”. Как следствие этого заместитель командующего, француз, ушел в отставку. После этого красные кхмеры решили еще немного поиграть мускулами и вошли в те районы Баттамбанга и Сиенреапа, которые правительственные войска Пномпеня оставили незащищенными. Погибло несколько мирных жителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.